Архимандрит АВГУСТИН (Никитин),
доцент Ленинградской Духовной Академии

НОВГОРОД ВЕЛИКИЙ И СКАНДИНАВИЯ

В период празднования знаменательного юбилея — 1000-летия Крещения Руси особенно актуальным является обзор тех многочисленных связей, которые соединяли Русскую Православную Церковь с Православными Церквами Востока со времени просвещения русского народа светом Христовой веры. Но не менее насущным представляется анализ тех отношений, которые Русская Православная Церковь на протяжении ряда столетий поддерживала с Церквами Запада и, в частности, с представителями Евангелическо-Лютеранской Церкви.

Несколько лет назад в истории православно-лютеранских отношений произошло важное событие: осенью 1981 г. в г. Эспоо (Финляндия) состоялось официальное открытие всеправославно-лютеранского диалога. Этому предшествовала трехлетняя подготовительная работа: в ноябре 1978 г. в Швеции состоялась первая встреча членов межправославной богословской комиссии по подготовке диалога. Последнее подготовительное заседание межправославной комиссии проходило в сентябре 1980 г. в Исландии. Все эти мероприятия были проведены на территории государств Северной Европы. И это вполне закономерно, поскольку большинство населения скандинавских стран и Финляндии принадлежит к Евангелическо-Лютеранской Церкви.

С 1970 г. богословы Русской Православной Церкви участвуют в двустороннем диалоге с представителями Евангелическо-Лютеранской Церкви Финляндии. В результативном документе VII богословского собеседования между делегациями Русской Православной и Финской Евангелическо-Лютеранской Церквей (июнь 1986 г., Миккели, Финляндия) было отмечено, что «в 1988 г. исполняется 1000-летие с того времени, когда русский народ, по благодати Божией, принял Святое Крещение». На собеседовании было высказано совместное пожелание, «чтобы предстоящее торжество способствовало ознакомлению всего христианского мира с богатством духовных ценностей Русской Православной Церкви»[1].

Россия издревле имела тесные политические, экономические и культурные связи со скандинавскими странами, и история этих отношений довольно полно освещена в отечественной историографии. Но до сих пор не имелось систематического обзора русско-скандинавских отношений в их религиозном аспекте. Поэтому представляется необходимым восполнить этот пробел и при этом уделить особое внимание Новгороду, который, в силу своего расположения на пути «из варяг в греки», на протяжении ряда столетий имел наиболее тесные связи со странами Северной Европы.

НОВГОРОД И ДАНИЯ. Русско-датские связи XI—XV вв.

Первые сведения о русско-датских связях появляются вскоре после крещения жителей Новгорода (989 г.). Так, в «Хронике» Адама Бременского, написанной в 70-х гг. XI в., сообщается о существовавшем уже в то время морском пути из Дании в новгородские земли. По сведениям «Хроники», датчане в то время «из Дании ходили в Острогард Руссии» (Острогард — одно из скандинавских названий Новгорода. — *А. А.*)[2]. Это летописное известие подтверждается находкой, сделанной в начале 1960-х гг. во время археологических раскопок в Новгороде. Здесь была найдена кость с датской рунической надписью середины XI в., скорее всего, привезенная в Новгород какими-либо датчанами[3].

Еще одно свидетельство о древности русско-датских отношений находится в так называемых «Пегауских анналах». Неизвестный монах монастыря, находившегося в маленьком городке Пегау в Тюрингии, около 1149 г. написал анналы[4], в которых о Руси упоминается по поводу событий, происходивших в то время в Дании. В них сообщается о путешествиях датчан на Русь и далее в Грецию в первой четверти XI в.[5] Это сообщение, подтверждаемое известиями Адама Бременского о путешествии датчан на Русь и находкой в Новгороде рунической надписи, написанной датским 24-значным руническим алфавитом — футарком, позволяет сделать вывод о том, что в XI в. русско-датские связи были уже довольно регулярными и что их истоки восходят к еще более раннему периоду.

В первой половине XII в. эти связи продолжали развиваться. К этому времени относятся первые известия о датчанах, появившиеся в русских летописях и, в частности, в Новгородской первой летописи под 1130 и 1134 гг.[6] Так, под 1130 г. летописец, рассказав о крушении несколь-

ких русских кораблей, возвращавшихся из плавания на о. Готланд, добавляет, что тогда же из Дании русские корабли вернулись благополучно: «...из Дони приидоша здрави»[7]. В этом тексте впервые в русских источниках встречается древнерусское название Дании — «Донь», а также отмечается, что не только датчане плавали в Новгород, но и новгородцы плавали в Данию[8].

Переходя к обзору русско-датских связей в последующий период, можно отметить, что в 1219 г. Дания завоевала Северную Эстонию и владела ею до 1346 г., в результате по реке Нарове (Нарве) установилась территориальная граница датских и русских владений.

К 1493 г. относится заключение первого русско-датского договора «О дружественном и вечном союзе». Этот договор был заключен между великим князем Иваном III(1462—1505) и датским королем Иоанном (Хансом) (1481—1513); предварительные переговоры были проведены в Копенгагене. Русско-датский договор возобновлялся в 1506 и 1516 гг.[9] Русско-датский договор 1493 г. способствовал активизации торговых отношений между двумя странами, что, в свою очередь, сказалось и на развитии церковных связей.

В начале XVI в. датский король Христиан II (1513—1523) обратился к великому Московскому князю Василию III (1505—1533) с просьбой о предоставлении датским купцам в Новгороде, а также в Ивангороде особых мест для постройки дворов и церквей. Результатом русско-датских переговоров по этому вопросу явилось дарование Василием III в июле 1517 г. особой жалованной грамоты, разрешающей датским купцам устройство дворов и церквей в этих двух городах[10].

Согласно первой статье грамоты, датские купцы получили в Новгороде и Ивангороде места для постройки дворов: «в Новгороде — у Волхова против Лубяницы длиной в 60 сажен, шириной в 30 сажен»; в Ивангороде — «на посаде», длиной в 30 сажен, шириной в 20 сажен»; при дворах разрешалось поставить церкви и держать при них «попа или мниха»[11]. В третьей статье жалованной грамоты 1517 г. говорится: «А в нашем государстве, в котором городе почнетца каково дело датцкие земли человеку с нашим человеком, ино ему туто и управа дати в какове деле ни буди по исправе и по сей грамоте, и по крестному целованию».

Таким образом, в этой статье формулируется принцип подсудности датских купцов властям того города, где они находятся. Далее в этой статье подчеркивается, что взаимоотношения русских и датчан должны основываться на религиозных принципах, и отмечается, что если ответчика приведут «к целованию», то он должен целовать крест, будет ли ответчик «наш человек», т. е. русский, или «немчин», т. е. датчанин[12].

Датское посольство в Россию 1575 г.

В первой половине XVI в. в странах Северной Европы началась Реформация, и те датчане, которые в дальнейшем приезжали в Россию, были, как правило, лютеранами. Одним из самых ранних лютеранских сочинений о религиозном быте православной России была книга под названием «Hodoeporicon Ruthenicum» (Путешествие в Россию). Francofurti a. M. 1608. Этот труд был написан в связи с поездкой датского посольства в Москву для возобновления договора, заключенного в 1562 г.

Авторство сочинения иногда приписывается Якову Ульфельду, возглавлявшему это посольство в 1575 и 1578 гг. В описании заметен особый интерес автора к религиозной стороне жизни в России. Поэтому можно предположить, что действительным автором этого сочинения был входивший в состав посольства «Андреас Фионикус, пастор господина Якоба Ульфельда», тем более, что это имя стоит на титульном листе одного из рукописных списков этой книги[13].

Автор сочинения отмечает, что посольство во главе с Яковом Ульфельдом отправилось в Россию морским путем 9 мая 1575 года «в пятницу пред Вознесением Христовым» и прибыло во Псков 24 июня «в день Иоанна Крестителя». Таким образом, члены датского посольства начали знакомство с религиозной жизнью города, имевшего давние тесные связи с Новгородом. В окрестностях Пскова члены посольства «посетили монастырь, называемый Ибдогк (Jbdogk), смотрели на образы их»; однако, по словам автора, «не дозволили нам войти в храм, хотя двери отворены были, потому что думали про нас, якобы мы недостойны во святая святых войти»[14].

В данном случае речь идет, по-видимому, об Изборске — городе, расположенном недалеко от Пскова. Здесь члены посольства намеревались посетить православный храм. Как известно, недалеко от Изборска находится древний Псково-Печерский монастырь. И каждому, кто побывал там, нетрудно будет узнать его из дальнейшего описания. «Слышали мы, — продолжает датский автор, — что недалеко оттуда (от Изборска. — *А. А.*) находится еще другой монастырь весьма великий и богатый, имеющий в себе триста черницов; в том монастыре (с внешней стороны монастырских стен. — *А. А.*) церкви не видно, потому что она в земли стоит: сии черницы всегда молятся и постятся по обыкновению своему. Великий князь уволил их от всего, многие деревни жаловал и освободил от всякой работы, так что подданные их уволены от воинских служб и податей: чего ради непрестанно Бога молят о получении ему победы, наипаче в Лифляндии... Хотя же мы желали посмотреть сего монастыря, однако краткость времени не допустила нас того»[15].

Датское посольство некоторое время пробыло в Пскове, и автор «Путешествия», описывая

этот древний город, отмечал, что «церквей в нем триста и сто пятьдесят монастырей (число монастырей явно преувеличено. — *А. А.*), по сказкам (сведениям. — *А. А.*) тех, которые число оных совершенно знают»[16]. Из Пскова члены посольства отправились в Новгород, который также был «украшен храмами и многими монастырями»[17].

В Новгороде датский пастор Андреас Фионикус имел беседы на религиозные темы с сопровождавшим членов посольства русским «приставом Федором (Fedder)». В ходе бесед были затронуты различные богословские вопросы, в том числе и вопрос о спасении. В своих записках пастор Андреас кратко изложил суть дискуссии, отметив, что, по словам его русского православного собеседника, «всяк может спастися, хотя он безмерное множество грехов имел, если по крайней мере однажды вознамерится покаяться»[18].

В ответ на это суждение пастор Андреас возражал, считая, что такое широкое толкование не совсем верно отражает дух евангельского учения о спасении. Возражая своему православному оппоненту, пастор Андреас говорил: «Правда, что всякий грешник может спастися, имея бесчисленные и тяжкие грехи, когда только покается и, веруя в Бога, будет просить помилования. Однако ежели против совести беспрестанно будет грешить, лаская себя надеждой, что он в свое время исправится, такой против Духа Святого грешит, и сей грех ни в сем, ни в будущем веке не отпустится»[19].

Из дальнейшего повествования датского пастора явствует, что оба участника диспута старались доказать свою правоту. Пастор Андреас подкреплял свою позицию ссылками на текст Священного Писания Нового Завета, а его православный собеседник опирался также и на святоотеческое предание; в качестве примера он приводил житие Марии Магдалины.

Датский пастор описывает некоторые особенности религиозной жизни православного населения Новгорода. «Первого числа августа месяца, — отмечал он в своих записях, — увидели (мы) много людей, собранных в одном месте у реки (Волхов. — *А. А.*) при городе... кроме того, множество там было монахов и монахинь, куда пришел и архиепископ, держа в руках крест, за ним следовали священники и другие церковники и, взошедши на мост, нарочно для сего приуготовленный, по прочтении молитвы (архиепископ) благословил реку и такой церемонией освятил воду. По отправлении чего (люди) бросились в реку... детей своих и образы тою же священною водой окропляли и обмывали, и таким образом тот день праздновали»[20].

Датский автор подробно описывает религиозный уклад жизни русских христиан; он сообщает о постах, таинствах, о быте русского духовенства. «Церкви их украшены многими иконами, которые как скоро увидят, тотчас поклоняются оным; также всяк из них содержит по домам образы, и сим особливую честь воздают; на грудях носят крест и почитают оный по своему обычаю», — отмечал пастор Андреас в своем сочинении[21].

В Новгороде датское посольство пробыло свыше одного месяца и 4 августа 1575 г. отправилось в Москву, где вскоре был заключен русско-датский договор о дружбе.

Датское посольство 1602 года

Подобно тому, как в XVI в. знакомству датчан с Русской Православной Церковью способствовала отправка посольства в Россию (1575 г.), точно так же это повторилось и в начале XVII столетия. В 1602 г., после предварительных переговоров и соглашений с царем Борисом Годуновым, датский король Христиан IV (1588—1648) послал в Россию своего брата Ганса, герцога Шлезвиг-Голштинского, в качестве жениха царевны Ксении Борисовны. В составе многочисленной свиты герцога Ганса находился Аксель Гюльденстерне, старший из послов, перу которого принадлежит сочинение «Путешествие в Россию датского принца Иоанна (Ганса), брата короля Христиана IV. Рукописный оригинал «Путешествия» хранится в Копенгагенском государственном архиве; на немецком языке это сочинение носит название: «Wahrnafftige Relation der Russischen und Moscowitischen Reyse (Magdeburg, 1604).

23 августа 1602 г. датское посольство прибыло в Новгород, «проехав мимо монастыря Святой Троицы, монастыря св. Николая, монастыря Николая-Марии (?) и многих других монастырей, где (как и в большей части монастырей в селах и городах) имеются церкви — летние, без отопления, и зимние, отапливающиеся»[22], отмечал автор «Путешествия», сразу же обращая внимание читателя на особенности церковной жизни в России.

В Новгороде его поразило большое количество церквей и среди них — древний Софийский собор. «Город широко раскинулся, крепость тоже, так что внутри крепостных стен находятся 23 церкви и монастыря... Над большей из церквей (надстроена) тупая башня, крытая позолоченным свинцом»[23]. Членов датского посольства разместили в Новгороде в 54 домах именитых граждан, в том числе и в домах местного духовенства: «Попа Игнатия, диакона Василия, попа Петра, попа Ивана, попа Романа, попа Прокофия, попа Григория, попа Офонасия», а также в нескольких домах дьячков и пономарей[24].

31 августа члены посольства, сев на корабль, отплыли из Новгорода и прибыли «в большое местечко Бронницу... В тот день мы проплыли мимо большого количества монастырей»[25], отмечал автор «Путешествия». Путь датчан лежал в Москву, и за время трудного путешествия им пришлось столкнуться со многими невзгодами. Заслуживает внимания сообщение автора о кончине

одного из членов датского посольства. Со скорбью отметив в своем дневнике, что 5 сентября в Валдае умер его слуга Христофор Педерсен, он излагает некоторые сведения о похоронах этого датчанина в новгородских пределах.

По словам А. Гюльденстерне, его слуга «был похоронен на холме сейчас же за городом... Русский боярин, которого звали Михаилом Глебовичем, сказал, что не властен разрешить мне похоронить его на кладбище, а тем более в церкви, так как покойный не был их веры, а также в последний свой час не причастился по их обычаю; поэтому я велел похоронить его на упомянутом холме, где и прежде похоронены были датчане. Когда во время путешествия г-на Эйлера Гарденберга в России умерли в этом городе (Валдае. — *А. А.*) двое из его людей, их на этом же холме похоронили, и теперь еще там найдены были их кости, а равно и головы»[26].

Дания и Валдайский Иверский монастырь

Примечательно, что один из следующих эпизодов истории русско-датских отношений имел место в том же Валдае — городе, издавна входившем в сферу влияния Новгорода. В конце XVII — начале XVIII в. политические и экономические связи России со скандинавскими странами усилились. Немало выходцев из скандинавских стран поселилось в России. Многие из них, не порывая связей со своей родиной, одновременно самым тесным образом связали свою деятельность с Россией.

Одним из них был датский комиссар Генрих (в России он был известен под именем Андрея) Бутенант (Бутман) фон Розенбуш. Прекрасный знаток России, он был связан с ней около 30 лет и умер в 1702 г. Он не только успешно выполнял обязанности резидента датского короля в Москве, но и активно участвовал в развитии русско-датских связей. В существующей литературе кратко говорится о деятельности Бутенанта в качестве подрядчика в строительстве галер и других кораблей для России в конце XVII в.[27] Но волей судьбы Бутенанту довелось вступить в тесные отношения и с представителями Русской Православной Церкви.

В 1696—1698 гг. в России началось массовое строительство флота. Вместе с другими землевладельцами к строительству кораблей привлекались монастыри и епархиальные кафедры. Так, Иверский монастырь на Валдае, основанный в 1653 г. патриархом Никоном, попал в «кумпанство» вместе с Саввино-Сторожевским, Воскресенским и Иосифо-Волоколамским. Это «кумпанство» должно было построить одну галеру и спустить ее на воду в апреле 1698 г.[28]

Образовавшееся «кумпанство» выбрало наиболее удобный для себя выход — наняло подрядчика, обязавшегося возглавить работы по строительству корабля. «Кумпанство» же должно было своевременно вносить деньги за подряд. Среди опубликованных русским исследователем прошлого века архимандритом Леонидом (Кавелиным) актов Иверского валдайского монастыря имеется одна рядная запись Бутенанта, обязавшегося построить галеру для «кумпанства» Иверского и Саввино-Сторожевского монастырей[29]. Кроме указанного подряда, Бутенант взял подряды в «кумпанствах» святейшего Патриарха, а также митрополита Ростовского и Крутицкого[30].

В июне 1698 г. Россия приняла 500 иностранных мастеров, которых распределили по «кумпанствам». «Кумпанству», членом которого был Иверский монастырь, досталось 15 человек; среди них было 8 датчан и 4 шведа[31]. Когда после завершения строительства кораблей началась их оснастка, Бутенант снова предложил свои услуги. В декабре 1698 г. он написал письмо митрополиту Новгородскому и Великолукскому Иову, в котором выражал готовность снабдить построенные им для «кумпанства» корабли «воинскими припасами»[32]. Строительство кораблей, числившихся за «кумпанствами», в которых состоял Иверский монастырь, было успешно завершено. Эти корабли вошли в состав русской флотилии, построенной в Воронеже ценой огромных усилий. И определенный вклад в это дело был внесен совместными трудами датских мастеров и русского православного духовенства.

Новгород в «Записках» Юста Юля (1709—1712 гг.)

Реформы, осуществленные Петром I в экономической жизни России, были тесно связаны с ломкой старых традиций и в сфере социальных отношений. В этом могли наглядно убедиться приезжавшие в Россию иностранцы, в том числе и датчане. Одним из них был морской командор Юст Юль, которого датский король направил к Петру I в качестве своего посланника, обязав его вести подробный дневник. Дневник («Записки») Юста Юля охватывает время с апреля 1709 по март 1712 гг.

Юст Юль родился в 1664 г. в Ютландии; по возвращении из России в 1712 г. он был произведен в вице-адмирала; погиб в морском сражении со шведами в 1715 г. В 1890—1891 гг. русский исследователь Ю. Н. Щербачев перевел «Записки» Ю. Юля с рукописи Копенгагенского архива, а в 1892 г. они были напечатаны в «Русском архиве» (кн. 3, 5, 7—11). Позднее, в конце 1893 г., появилось их издание и в датском подлиннике [33].

Хотя Ю. Юль был государственным чиновником, он проявлял большой интерес к церковным вопросам. Быть может, этому способствовало то, что одним из членов его посольства был Расмус Эребо, который ранее, перед поступлением на дипломатическую службу, готовился к долж-

ности пастора. В начале XVIII в. явственно ощущались новые веяния в церковной сфере, в чем смог убедиться и Ю. Юль на своем пути из Дании в Россию.

В сентябре 1709 г. Ю. Юль прибыл в Нарву, которая за несколько лет до этого, в 1704 г., была взята русскими войсками. Лютеране, жившие в Нарве в это время, собирались на богослужения в городской ратуше, поскольку обе их кирхи — немецкая и шведская — перешли в ведение православного духовенства. «Осмотрел обе городские церкви, — сообщает Ю. Юль. — Прежде в них совершалось богослужение по Аугсбургскому исповеданию; в настоящее же время, по приказанию царя, они освящены русскими священниками, совершающими в них ныне богослужение по обрядам греческой веры»[34].

Но Ю. Юль не высказывает недовольства по этому поводу и довольно объективно излагает причины сложившейся ситуации. «Как мне сообщали, — продолжает он, — сначала только одна церковь была передана русским священникам, другую же царь охотно бы оставил за местными жителями, но по проискам генерал-фельдмаршала Огильви[35], который во время взятия Нарвы находился на службе у царя, была отнята у них и другая церковь. Русские, собственно, не нуждались в ней, но, будучи католиком и ненавистником лютеранской веры, Огильви полагал, что если только отымет церковь у жителей, то со временем достигнет обращения ее в католическую. Однако план его не удался: он вскоре оставил службу у царя, и полтора года спустя церковь обращена была в православную. Тем не менее богослужение совершается лишь в одной из церквей, другая же пустует»[36].

Здесь же, в Нарве, Ю. Юль присутствовал в православном храме при совершении литургии и подробно описал ее чинопоследование[37]. И если в допетровскую эпоху присутствие инославного христианина за богослужением в русском храме было бы невозможно, то теперь, напротив, ему было оказано самое теплое гостеприимство. «Длилась обедня полтора часа, — отмечает автор, — ибо когда комендант узнал, что я собираюсь идти в церковь смотреть на их богослужение, то письменно приказал священникам служить полную обедню со всеми ее торжественными обрядами»[38]. Ю. Юль знал записи своих предшественников, в которых упоминалось об определенной конфессиональной самоизоляции православных христиан в России вплоть до конца XVII в. Поэтому он пытался объяснить перемену, происшедшую в Русской Православной Церкви за столь короткое время. Как считал Ю. Юль, «по их (православных. — *А. А.*) мнению, церковь оскверняется через посещение лицами иных исповеданий. Однако запрещение инославным входить в храмы не так строго наблюдается с тех пор, как нынешний царь, ознакомившись с другими христианскими народами, увидел, что они не такие грубые язычники, каковыми в старину считали их русские»[39].

За несколько лет, проведенных в России, Ю. Юль неоднократно посещал православные храмы и тщательно записывал чинопоследования таинств и обрядов Русской Православной Церкви. Так, он изложил чин крещения, воспользовавшись тем, что один русский офицер намеревался крестить ребенка и пригласил Ю. Юля присутствовать при совершении таинства[40]. Автор описывает также чин отпевания, отмечая при этом, что «это напоминало обряд, соблюдаемый при датских похоронах»[41]. Ю. Юль присутствовал при совершении венчания в православном храме[42], а также при бракосочетании инославного христианина с русской православной девушкой[43]; он описал также чинопоследование епископской хиротонии[44].

Особый интерес вызывает пребывание Ю. Юля в Новгороде в декабре 1709 г. «Город полон церквей и монастырей, — восхищался датский автор. — Колокольни стоят в небольшом расстоянии от церквей; на самих же церквах русские никогда колоколов не вешают... Куполы выведены дранью и покрыты свинцом; иные позолочены, иные украшены изящной старинной живописью»[45]. В Новгороде Ю. Юль посетил один из православных храмов, который он называет «церковью Марии или Богородицы». «Это весьма роскошный храм, сплошь украшенный живописью и позолотой, с большими люстрами, — пишет датский посланник. — Так как я вошел туда во время вечернего богослужения, то протопоп, выйдя из своего клироса, хотел было выгнать меня вон вместе с моей свитой, но под конец мой толмач поговорил с ним... и тот успокоился»[46].

В Новгороде датский гость имел аудиенцию у митрополита Новгородского и Великолукского Иова († 1716 г.). Когда Ю. Юль вошел в архиерейские покои, то застал митрополита Иова в полном облачении: «подле него стоял епископский посох; в руке он держал четки вроде тех, по каким читают «Отче наш», а на большой серебряной, позолоченной цепи, надетой вокруг шеи, спускаясь низко на грудь, висел поверх одежды образ в серебряной оправе, за стеклом. Архиерей преподал мне благословение, осенил меня крестным знамением и сказал, что Бог наградит меня за то, что я был так добр и навестил его»[47].

Помня о тех трудностях, с которыми инославным христианам все еще доводилось встречаться в общении с местным клиром, датский посланник просил помощи и содействия у Новгородского митрополита. «Я попросил архиерея быть настолько добрым назначить мне кого-либо в проводники и велеть показать мне местные церкви и их украшения, а также распорядиться, чтобы кто-нибудь сопровождал меня в знаменитый монастырь св. Антония, расположенный под самым Новгородом, — сообщает Ю. Юль. — В ответ на это архиерей тут же велел упомянутому монаху идти со мною и показать мне всё, что я пожелаю»[48].

Что касается секретаря Ю. Юля — Расмуса Эребо, то у него сложились добрые отношения с известным церковным деятелем Феофаном Прокоповичем (1681—1736 гг.). Благодаря своим способностям Феофан Прокопович стал известным Петру I, который воспользовался его даром для своих реформ. Вот что писал Расмус Эребо о своих встречах с этим и другими видными церковными деятелями того времени: «Особенно сблизился я с Феофилактом Лопатинским (ныне архиепископ Тверской). Через него я познакомился и с ректором Киевской Академии Феофаном Прокоповичем. Теперь Прокопович — самое важное духовное лицо в России, архиепископ Великого Новгорода и, так сказать, вице-патриарх. Это весьма ученый и красноречивый человек»[49].

Из «Записок» Ю. Юля видно, как непросто и постепенно складывались повседневные отношения между православными христианами и инославными гостями, посещавшими Новгород и другие русские города. Одной из основных причин существовавшей тогда в России конфессиональной замкнутости было то, что на протяжении ряда столетий русские христиане были вынуждены отстаивать свою независимость в борьбе с иноземными пришельцами.

Русско-датские отношения успешно развивались и в дальнейшем, но уже в основном через Москву и Петербург. Еще более интенсивными были отношения Русского государства со Швецией, и Новгород издавна играл самую активную роль в этом процессе.

НОВГОРОД И ШВЕЦИЯ

Становление русско-шведских связей относится к древнейшему периоду существования Русского государства (IX—XI вв.). В имеющемся во введении к «Повести Временных лет» перечне «варяжских» народов указаны как норвежцы («урмане»), так и шведы («свеи» и «готе», т. е. племена свеев и гётов, в то время находившихся на стадии слияния в единый шведский народ). Новгородцы издавна имели тесные отношения со шведами. Когда киевский князь Ярослав Мудрый (1015—1054) женился на дочери шведского короля (конунга) Олафа (994—1022), то в качестве свадебного падарка княжна Ингигерд (в крещении Анна) получила от Ярослава город Ладогу и прилегающие к нему земли. Около 1020 г. этот надел был передан в управление ее двоюродному брату по материнской линии Ярлу Ронгвальду, сыну Ульфа. Именно в Ладоге норвежские послы, прибывшие на Русь, встретили Ронгвальда в 1034 г.[50]. По-видимому, тогда же в Ладоге была построена «варяжская» церковь, что диктовалось духовными потребностями постоянно приезжавших в Ладогу иностранных купцов.

Новгород и Готланд

Особенно тесные связи существовали у новгородцев с Готландом (ныне — в составе Швеции). Жители острова Готланд приняли святое Крещение при короле Олафе Святом в 1008 г., вступив в духовную зависимость от епископа Линчепингского[51]. В середине XII в. в Новгороде уже существовал торговый двор готландских купцов с храмом св. Олафа[52].

В новгородской «варяжской божнице» богослужения совершались в течение всего года; это явствует из договора, заключенного в 1270 г. между Новгородом и Готландом, а также с немецкими городами. В древнем документе под названием «Скра Новгородская» по этому поводу говорится следующее: «Священник, приезжающий с летним или зимним поездом гостей, вступает на место священника, которого он там находит, и этого (нового), приехавшего с летним или зимним поездом, должны держаться все, во дворе (торговом. — *А. А.*) живущие»[53]. Варяжская церковь в Новгороде простояла до конца XIV — начала XV в.[54].

Новгородские купцы, подолгу жившие на о. Готланд, также имели свой торговый двор и церковь. Новгородские мастера воздвигли православный храм в Висбю — главном городе острова; церковь была расписана фресками в русско-византийском стиле. Новгородская церковная живопись оказала сильное влияние на искусство готландских храмов. Так, на западных стенах нефа и на арке между нефом и башней церкви в Гарда сохранились фрагменты настенной живописи. Стиль росписи указывает на несомненную связь с монументальной живописью Новгорода.

Другой памятник, свидетельствующий о деятельности приехавших из Руси мастеров, — это церковь в Чэллунге (Källunge). Здесь имеются остатки росписи, расположенной в несколько рядов. Лучше всего сохранилось изображение шествия Христа на Голгофу.

Росписи храмов как в Гарда, так и в Чэллунге по стилю близки к росписям церкви в Старой Ладоге (исполненным в 60-х гг. XII в.) и к росписям церкви Спаса на Нередице (1199 г.). Росписи в Гарда и Чэллунге относятся к этому же периоду времени, т. е. к последней трети XII в.[55].

Остатки росписей — не единственные следы новгородского влияния на Готланде. В церкви в Эке хранятся остатки стен древней деревянной церкви — несколько досок с фрагментами росписи, изображающей Вознесение. Эти росписи по стилю близки к русским иконам того времени. Остатки стен древней деревянной церкви — несколько досок с фрагментами росписи — сохранились и в церкви в Сундре. Их стиль очень отдаленно напоминает роспись храмов в Гарда и Чэллунге. В церкви в Мэстербю имеется роспись, где стиль фигур хотя и не имеет ничего общего со

стилем живописи церквей в Гарда и Чэллунге, однако орнаментальные мотивы близки к мотивам росписей, исполненных новгородскими мастерами.

Таким образом, русское искусство пустило глубокие корни на о. Готланд и оказало известное влияние и на искусство местных мастеров. Эта русско-византийская школа на Готланде — явление единичное в Скандинавии, не имеющее никаких аналогий в других областях. Именно здесь в своеобразной форме встретились Восток и Запад[56].

Торговый двор новгородских купцов на Готланде существовал до конца XV в. Когда русское посольство в XVI в. посетило на Готланде город Висбю, где раньше была колония новгородских купцов, то там уже жили иноземцы. Тем не менее один из членов посольства сообщал о том, что «церковь Никола Чудотворец стоит на подоле гостинна двора, а мера церкви попереч получетверти сажени, а в длину 6 сажен, а живут в ней немцы за полаты место»[57].

Русско-шведские отношения в XIII—XIV вв.

К середине XIII в. относится усиление русско-шведского соперничества. В 1240 г. князь Александр Невский во главе русского войска в сражении на Неве не допустил шведов к продвижению в глубь русских земель; на этот ратный подвиг князь Александр выступил с благословения архиепископа Новгородского Спиридона. Военно-политическое соперничество Швеции и Руси продолжалось и впоследствии. Но в 1323 г. между новгородцами и шведами был заключен Ореховецкий мирный договор. На Ореховецком договоре основывались и другие русско-шведские договоры вплоть до конца XVI в.[58].

Но в годы правления шведского короля Магнуса Эриксона (1319—1363, самостоятельно — с 1332 г.), от имени которого был заключен Ореховецкий договор, это мирное соглашение подверглось испытанию, носившему религиозную окраску. В 1348 г. Магнус Эриксон отправился на Русь с очередным походом, причем, как и в прежние времена, одной из его целей была пропаганда католичества. Он предложил новгородцам богословские прения с тем, чтобы то исповедание, которое окажется истинным, было принято обеими сторонами.

Магнус настаивал на том, чтобы новгородцы прислали своих «книжных людей» участвовать в диспуте с католическими богословами. Но архиепископ Новгородский Василий после совета с посадником, тысяцким и всеми новгородцами ответил Магнусу: «Ежели хочешь уведать, которая вера лучше — наша или ваша, пошли в Царьград к патриарху, потому что мы приняли православную веру от грек, а с тобою о вере не спорим; а ежели есть какая обида между нами, то о том пошлем к тебе на съезд»[59].

Получив отказ, Магнус собрал значительное войско и летом 1348 г. пришел к истокам Невы. Здесь он осадил Орешек и взял его, а шведские миссионеры начали обращать православных жителей округи в католичество. Но вскоре новгородцы справились со шведами и вытеснили их из Орешка[60]. Военный конфликт был улажен в 1351 г., когда в Дерпте (соврем. Тарту) был заключен очередной русско-шведский мирный договор.

К началу XV в. относится литературный памятник, по-своему характеризующий религиозную сторону русско-шведских отношений. Это так называемое «Рукописание Магнушово, свейского короля, приказ детем его, и братьи его, и всеи Свейской земли»[61]. В начале этого завещания говорится, что Магнус («нареченный в святом крещении Григореи»), «отходя от сего света, при своем животе (жизни. — *А. А.*)», приказывает своим детям, «братье и всеи Свейскои земли» «не наступатися» в нарушение «крестного целования» на Русь.

Рассказав о неудачном походе Магнуса Эриксона на новгородские земли в 1348 г., летописец сообщает далее, что сын Магнуса Сакун (Хакон VI, король Норвегии. — *А. А.*) «вынял» (спас) его и повез в Мурманскую (норвежскую) землю. Но во время путешествия по морю началась буря. Корабль, на котором находился Магнус, утонул, и король в течение трех суток плавал на корабельных досках, пока его не прибило к монастырю Св. Спаса, где он был пострижен в монахи и принял схиму.

Реальную основу этого в значительной степени вымышленного рассказа о злоключениях Магнуса составляют феодальные смуты и династическая борьба в Швеции и Норвегии, закончившаяся свержением и изгнанием Магнуса. Более вероятным в отношении его кончины является предположение, что он утонул во время кораблекрушения[62].

Швеция и Новгород в 1605—1615 гг.

В начале XVII в. между Швецией и Новгородом сложились совершенно особые взаимоотношения. Это было связано с начавшейся в Московском государстве эпохой Смутного времени, а также с близостью Швеции к новгородским землям.

К 1605 г. относится первое воззвание шведского короля Карла IX к жителям Новгорода. В нем он изобличал политику римского папы, «учинявшего в России великую смуту, с целью искоренить в ней греческую веру». Карл заявлял, что не допустит осуществления этих планов папы и готов оказать русским христианам помощь. Когда же Карл узнал об убиении первого самозванца — Лжедимитрия (Григория Отрепьева), то он прямо предложил Новгороду помощь против «папистов». В этом отношении представляет интерес следующее место из письма Карла

IX к Арвиду Теннессону от 5 февраля 1606 г.: «Если верны новости, пришедшие из Выборга, то Димитрий убит русскими за то, что хотел ввести в Россию папистскую религию; сделавшись царем, он будто бы велел убить несколько православных монахов»[63].

К этому времени в Швеции уже прочно укоренилось лютеранское вероучение; отсюда понятен и стиль воззвания Карла IX, предлагавшего новгородцам религиозно-политический союз. В течение последующих нескольких лет Карл IX подготавливал осуществление унии Новгорода со Швецией. Но вот 16 июля 1611 г. шведские войска под командованием Якова Делагарди штурмом взяли древний русский город. Новгородцы в лице Исидора, митрополита Новгородского и Великолукского, а «также архимандриты, игумены и весь священный собор» были вынуждены заключить со шведами договор, чтобы избежать лишнего кровопролития. В этом договоре от 25 июля того же года, согласно которому Новгород переходил под власть шведской короны, имелось положение о статусе православных храмов и их прихожан. Текст этого соглашения свидетельствует как о твердости новгородцев в защите Православия, так и о веротерпимости, которой должна была в силу этого придерживаться шведская военная администрация.

«Божии церкви и монастыри древней греческой веры не должны быть разоряемы, — говорилось в договоре — не следует допускать осмеяния икон, священного служения, а также церковных сосудов, никого не отклонять силой от нашей христианской веры, чтобы мы, люди Российского государства, могли жить в нашей греческой вере по-прежнему. Ни в чем не притеснять митрополита, архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов и весь святейший собор... Они должны жить и служить по-прежнему, относиться к ним должно согласно их сану, а земли, принадлежащие монастырям и церквам, от них не отнимать и не передавать никому другому во владение»[64]. Оценить выполнение этой части договора можно на основании документов новгородского архива 1611—1616 гг., хранящегося в Стокгольме[65]. Правительство Делагарди стремилось завоевать симпатии новгородского населения. В материалах архива обнаружено свыше 200 челобитных мастеровых, торговцев и прочего люда с просьбой о выдаче платы, пособий и т. д. Как правило, челобитные разбирались и полностью или частично удовлетворялись. По словам одного современного исследователя, «характерно, что за этот период не обнаружено ни одной челобитной от духовенства с жалобами на притеснения со стороны шведов»[66].

Здесь же следует отметить, что русские православные христиане, жившие на севере России, по-прежнему не желали находиться в подчинении Швеции. После взятия Новгорода в 1611 г. шведский король известил игумена Соловецкого монастыря Антония о принятии новгородцами шведского подданства и советовал ему склонить свою братию последовать их примеру, обещая награду. Но игумен Антоний писал в ответ на это королю Швеции: «А у нас в Соловецком монастыре и в Сумском остроге и во всей поморской области тот же совет единомышленно: не хотим никого из иноверцев на Московское государство царем и великим князем, опроче своих прирожденных бояр Московского государства»[67].

В 1611 г. шведский король Карл IX умер. Его сын и преемник Густав Адольф вначале хотел сам занять русский престол, а затем решил предоставить его своему брату Карлу Филиппу. В эти годы положение новгородцев по-прежнему было тяжелым, и им приходилось мириться с зависимостью от Швеции. В январе 1612 г. они были вынуждены даже отправить в Стокгольм посольство, которое возглавил архимандрит Юрьевского монастыря Никандр; целью посольства было предложить русскую корону шведскому принцу. Посольство пробыло в землях, находившихся под властью Швеции, долгое время. Обратно в Новгород из Выборга члены посольства отправились лишь в сентябре 1613 г. По времени это совпало с консолидацией русских патриотических сил, с организацией народного ополчения под предводительством Минина и Пожарского, целью которого была борьба с польско-шведской интервенцией. 26 октября 1612 г. Москва была освобождена от незваных пришельцев. В это время, когда остро встал вопрос о ликвидации междуцарствия, необходимо было подыскать подходящую кандидатуру на русский престол. И если принять во внимание давнюю историю русско-шведских государственных и церковных связей, то не покажется удивительным, что одной из возможных кандидатур стал сын скончавшегося шведского короля Карла IX Карл Филипп. В Новгород было отправлено посольство во главе с С. Татищевым; ему было поручено, в частности, выяснить возможность перехода Карла Филиппа из лютеранского исповедания в Православие: «и как по прошению Ноугородцкого государства всяких людей, свейского короля сын, королевич Карло Филип на Ноугородцкое государство придет, и креститца ему в нашу православную хрестьянскую веру греческого закона»[68].

В Новгороде посольство С. Татищева убедилось в том, что шведская администрация по-прежнему проявляла веротерпимость в отношении православного населения; материалы Новгородского архива 1611—1616 гг. (Стокгольм) подтверждают правильность оценки посольством Татищева положения в Новгороде. Вернувшись в Ярославль, где в то время была ставка Минина и Пожарского, послы «в расспросе сказали, что в Новгороде от шведов христианской вере никакой порухи и православным крестьянам разорения никаково нет, а живут по-прежнему безо всякой скорби»[69].

Проявленная шведами в Новгороде веротерпимость способствовала тому, что кандидатура Карла Филиппа, как возможного претендента на русский престол, не была отвергнута, и участни-

ки Земского собора, заседавшего в 1612 г. в Ярославле при участии князя Пожарского и митрополита Ростовского и Ярославского Кирилла (Завидова) († 1619), обсуждали кандидатуру королевича. Здесь представители Нижегородского ополчения устами князя Пожарского настаивали на том, чтобы на русский престол был возведен православный претендент: «Все мы единомышленно у милосердого в Троице славимого Бога нашего милости просим и хотим того, чтобы нам всем людем Российского государства в соединении быть; и обратить нам на Московское государство государя царя, великого князя, государского сына, только бы был в православной хрестьянской вере греческого закона, а не в иной которой, которая вера с нашею православной хрестьянскою верою не состоится»[70]. Таким образом, наметились основные условия, на которых нижегородцы соглашались договариваться об избрании шведского королевича: первое — прибытие его из Швеции в Новгород; второе — принятие им Православия.

Вопрос о переходе Карла Филиппа в Православие по-прежнему был одним из основных условий, которые ставили участники Земского собора. Об этом свидетельствует, например, ответ, который дали новгородцы князю Пожарскому на его упрек по поводу того, что они якобы уже почти выбрали на русский престол лютеранина: «Мы от истинныя православныя веры не отпали, а королевичу Филиппу Карлу о том будем бити челом и просити, чтобы он был в нашей православной вере греческого закона, и за то хотим все помереть; только Карло королевич не хотел быть в хрестьянской православной вере греческого закона... И мы одни за истинную веру, нашу православную хрестьянскую веру, хотим помереть; а не нашия не греческия веры на государство не хотим»[71].

И хотя в конечном счете кандидатура Карла Филиппа была отвергнута, участники Земского собора достойно оценили веротерпимость, проявленную шведской военной администрацией во главе с Делагарди в Новгороде; как отмечал русский исследователь в начале нашего столетия, «любопытно, что в актах нет и следа враждебного отношения нижегородцев к шведам; нижегородцы именуют шведского военачальника так же, как новгородцы; пишут отчество Делагарди согласно своему обычаю с «вич»: «Яков Пунтосович»[72].

Тем временем шведское правительство не теряло надежды наследовать русский престол. Карл Филипп в середине 1613 г. прибыл в Выборг, откуда вел переговоры с Москвой и Новгородом. Его брат — шведский король Густав Адольф дал инструкции своим уполномоченным для ведения переговоров в Выборге. В этих наставлениях не было и речи о возможном переходе Карла Филиппа в Православие; напротив, одним из условий его воцарения на русском престоле стало предоставление ему и его свите свободы вероисповедания. Кроме того, королевичу должно было быть предоставлено право выстроить по одной или по две лютеранские церкви в главных городах России. Королевич, в свою очередь, обязался «охранять религию русских»[73].

Нежелание Карла Филиппа перейти в Православие лишило его последней возможности оставаться возможным претендентом на русский престол. 11 июня 1613 г. «венчался на царство» избранный на московский престол Михаил Федорович Романов (1613—1645), первый царь из династии Романовых. Это упразднило все притязания Карла Филиппа, и в начале 1614 г. он уехал обратно в Швецию. Это событие вдохновило новгородцев на борьбу за восстановление политической независимости. 12 декабря 1614 г. шведский посланник Эверт Горн сообщил королю Густаву Адольфу о том, что на союз со Швецией из новгородцев «почти никто не склоняется, но напротив, владычество их собственных земляков так сильно им по душе, что они все сговорились лучше лишиться жизни, чем отделиться от Московского государства»[74].

Тем не менее попытки Швеции удержать Новгород в сфере своего влияния продолжались вплоть до середины 1615 г. Но новгородцы по-прежнему боролись за духовное и политическое единство Русского государства, заявляя: «Никогда и в смутные времена от Московского государства Новгород отлучен не бывал»[75].

Столбовский договор 1617 г. и православно-лютеранские отношения

Нормализация русско-шведских отношений продолжалась еще в течение нескольких лет, и наконец в 1617 г. в Столбове, деревне между Тихвином и Ладогой, был заключен русско-шведский договор, согласно которому король Густав Адольф возвратил русским Новгород, Старую Руссу, Порхов, Ладогу и Гдов. Но часть исконных новгородских земель по-прежнему оставалась под властью шведской администрации. Интересен один из пунктов (3-й) этого договора, на формулировке которого, по-видимому, настояло новгородское духовенство. «Вместе с вышеназванными крепостями и городами, — говорилось в этом пункте, — шведский король возвращает и уступает также великому князю всякие церковные украшения как в церковь св. Софии, так и во все другие церкви и монастыри в Новгороде и других крепостях и городах, со всем, что ни находится на этих украшениях, и не дозволяет ничего вывозить из них, также и собственности и имущества митрополита, всего духовенства и всего русского народа»[76]. Но это условие не было соблюдено повсеместно. В настоящее время в шведских музеях и книгохранилищах находятся ценные иконы, церковная утварь и архивные документы, которые были вывезены шведами из Новгорода в начале XVII в. Об этом неоднократно упоминали русские исследователи, начиная с XIX в., посещавшие Швецию с научными целями. Так, Ф. Булгарин, по-

бывавший в Швеции в 1838 г., видел в Стокгольмском королевском музее русские иконы св. Николая Чудотворца (в серебряном окладе) и Христа Спасителя (без оклада). «Это, верно, добыча Де-ла-Гарди в Новегороде»[77], — писал русский публицист.

Столбовский договор содержал также условия для восстановления торговых отношений между обеими странами. Для нормального функционирования иноземных гостиных дворов в городах России и Швеции необходимо было, кроме всего прочего, обеспечить торговых людей регулярным совершением богослужений. Поэтому в 15-м пункте договора говорилось о том, что в Новгороде, Москве и Пскове шведы могут «отправлять богослужение по своей вере, но кроме того не строить никаких своих церквей»[78].

Что касается русских людей, то они также могли «в Стекольне (Стокгольме. — *А. А.*), в Выборге торговые дворы имети и по своей вере пение и веры своей строение вольно им по тем же двором в своих хоромех имети, а в Колывани (соврем. Таллинн. — *А. А.*) в церкве, как исстари было, держати, а церквей по своей вере не ставити»[79]. Требование устройства церквей для шведских подданных, которые будут приезжать с торговыми целями в русские города, было впервые выдвинуто еще в самом начале переговоров о восстановлении мирных отношений между Швецией и Россией — в упоминавшейся выше инструкции Густава Адольфа шведским послам, направлявшимся в Выборг весной 1613 г. для переговоров с русскими послами.

В первом варианте инструкции (в 8-м пункте) предусматривалось, что «в некоторых более значительных городах должно предоставить нашей религии (лютеранской. — *А. А.*) одну или две церкви»[80]. Во втором варианте инструкции содержалось требование предоставления церквей в Новгороде, Пскове, Старой Руссе и Холмогорах[81]. Затем это требование было вновь выдвинуто в начале Дедеринских переговоров. В этом случае в шведских предложениях прямо подразумевалось, что церкви должны быть устроены при шведских гостиных дворах.

Русские представители отказались принять это требование, и в дальнейшем — в ходе дипломатических переговоров и при окончательном принятии Столбовского договора — добились включения в договор такой формулировки данного вопроса, при котором совершение шведскими подданными лютеранского богослужения допускалось не в церквах, а в одном из помещений торгового двора.

Позиция шведской стороны в данном вопросе была более мягкой, и в инструкции Густава Адольфа шведским послам 1613 г. предусматривалось взамен на предоставление шведским купцам церквей в русских городах разрешить русским торговым людям устраивать для себя церкви в тех шведских городах, в которых им придется торговать. Однако твердая позиция русских послов в данном вопросе привела к тому, что и шведские послы при составлении договора со своей стороны ограничили для русских купцов возможности совершения православного богослужения в шведских городах в такой же мере, в какой были ограничены эти возможности для шведских подданных в русских городах, то есть было разрешено совершение богослужений в помещениях торговых домов, но не позволялось строительство церквей. Единственное исключение было допущено для русского торгового двора в Ревеле (Колывань, соврем. Таллинн. — *А. А.*), при котором на протяжении ряда столетий уже существовала русская церковь св. Николая[82], в тексте договора было особо оговорено, что русские и далее должны сохранить за собой эту церковь, существующую на правах давности[83].

Ратификация Столбовского договора носила торжественный, религиозный характер. Как сообщал об этом шведский автор Петр Петри, 28 июня 1617 г. шведский король в городской церкви публично утвердил и скрепил клятвой Столбовский мирный договор. В храме при этом присутствовали трое русских посланников, королевские придворные, а также архиепископ Упсальский д-р Петр Кениц и епископ Выборгский Магнус Олаус Элимей. Архиепископ Упсальский Петр произнес проповедь о мире; после скрепления договора государственной печатью церковный хор пропел «Тебе, Бога, хвалим»[84].

Столбовским мирным договором 1617 г. было утверждено законное положение русского священника в Русском дворе (Russgarden) в Стокгольме для духовного окормления русских торговых людей. Богослужение совершалось в «молитвенных анбарах», снимавшихся русскими купцами у шведской городской администрации. Но эти богослужения не были регулярными, поскольку приезжавшие тогда вместе с русскими купцами священники жили в Швеции короткое время[85].

Дальнейшая активизация русско-шведских торговых связей привела к некоторым улучшениям и межцерковных отношений между обеими странами. Около 1630 г. между Россией и Швецией начались переговоры «о взаимной свободе русских и шведских купцов при отправлении богослужения»[86]. В Ревельском (Таллиннском) городском архиве[87] хранился документ, который в переводе с немецкого имел название «О восстановлении торгового двора в Новгороде, свободном отправлении богослужения и пр.». В этом документе, относящемся к 1630 г., говорится в частности: «Так как купцы, подданные всемилостивейшего государя короля Густава Адольфа, и в прежнее время имели свой торговый двор в Новгороде, то в силу Тявзинского и Выборгского договоров должен быть таковой предоставлен и ныне, и добрый дом с местом в Новгороде выстроен, а также дворы торговые в Москве и Пскове.., отправлять им также сво-

бодно там свое богослужение, исповедовать свою веру в собственных домах и горницах, но не иметь права для своей веры строить свои кирхи»[88]. Аналогичные права получили и русские купцы в Стокгольме и Выборге: «будут такие же торговые дома отведены, и могут в своих домах и горницах отправлять свое богослужение по своей вере, в Ревеле же, как было в старину — в своих церквах[89], но новых церквей своего вероисповедания не строить»[90].

Таким образом, переговоры, закончившиеся подписанием договора в 1630 г., не внесли ничего нового в сравнении с условиями Столбовского соглашения относительно строительства новых церквей для гостиных дворов. Что же касается шведского двора в Новгороде, то в 1633 г. он сгорел, после чего надолго затянулась переписка о его восстановлении. Это было исполнено только в 1645 г. после особого указа царя Алексея Михайловича.

Во время русско-шведской войны 1656—58 гг. торговые отношения между обоими государствами вновь прекратились. Царским указом шведский двор был передан Валдайскому Иверскому монастырю. В 1661 г. был подписан мирный договор между Россией и Швецией, и в мае 1664 г. шведский гостиный двор в Новгороде возобновил свою деятельность, просуществовав до конца XVII века. С началом Северной войны в 1701 г. шведский двор в Новгороде прекратил свою деятельность и уже никогда более не возобновлялся[91].

Православно-лютеранские отношения на берегах Невы (XVII в.)

Невские берега, лежавшие на пути «из варяг в греки», издавна обживались новгородцами, которые селились здесь рядом с финским населением. Еще в «Хронике Эрика» отмечалось, что русские имели на реке Охте при ее впадении в Неву «удобный порт». С давних времен эти земли принадлежали Новгороду и носили название Вотской пятины. После Столбовского договора 1617 г. Вотская пятина отошла к Швеции и стала называться Ингерманландией. После заключения Столбовского договора русские жители Ингерманландии по-прежнему могли беспрепятственно исповедовать Православие. По словам церковного историка XIX в., шведская администрация, «приобретши столько новых владений и в них немалое число христиан православного исповедания, не упускала из виду их церковных отношений; напротив, при всех сношениях с Россией испрашивала им позволение ведаться по церковным делам у русских епископов — священникам, диаконам и чтецам приходить в Россию за поставлением, мирянам за благословением, получать от русского епископа антиминсы и ходить на поклонение к святым местам русской земли»[92].

В 1618 г. шведский посол в Москве Густав Стенбук уведомил русское правительство о том, что православное духовенство, жившее в землях, находившихся под управлением шведской администрации, может «для ставления и благословения к новгородскому митрополиту приходить, и митрополиту бы их принимать и благословлять и разрешать в духовных делах попрежнему»[93].

Вскоре после этого Новгородский митрополит Макарий обнародовал обращенную к православным жителям Ингерманландии грамоту, в которой, в частности, говорилось следующее: «Аще и под державою есте иного владетеля и короля, но несть достойно разлучатися вам духовного порождения... Не отреваю вас приходити ко мне и, по превосходящему нашему чину, благословение и прошение во всяких духовных делах от нас приимати и антиминсы и вся, яже церквам Божиим в лепоту подавати вам хотим... Благочестивая вера притеснения никому не творит, но паче всем всюду благословение простирает»[94]. Новгородский архипастырь заботился и о практических потребностях клира, несшего свое послушание в уступленных Швеции землях. Священников, отправлявшихся в карельские уезды, наделяли богослужебными книгами, служебниками и требниками.

Порядок взаимоотношений с «зарубежным» духовенством по делам церковного управления был определен особой царской грамотой, согласно которой все практические связи новгородского митрополита с русскими верующими Ингерманландии должны были осуществляться через представителей гражданской власти — русской и шведской, а сам митрополит был устранен от этих дел, потому что он «человек духовный и чину великого и ему с иноземцы ссылаться не пригоже»[95].

По Столбовскому договору было определено, что из Ингерманландии в Россию могут переселяться только монахи и те люди, которые не желали переходить в шведское подданство. Прочие же жители, именно — приходские священники и крестьяне, должны были оставаться под властью шведского правительства[96].

Особый интерес представляет обзор русско-шведских церковных связей в невских землях — там, где впоследствии была основана столица Российской империи Санкт-Петербург. В 1632 г. Густав Адольф издал грамоту об основании на реке Неве в устье реки Охты, на месте старинного новгородского села Невское устье[97], города, который был назван Нюэсканцем (Ниэншанцем), то есть «Невским укреплением». Город быстро заселяли переселенцы: шведы, немцы, финны. Население собственно Ниэншанца (Канцев), не говоря уже о предместье, было, по-видимому, в основном русское. Русские православные жители строились в городе, но не

считались горожанами: они не хотели принимать лютеранскую веру. Горожанами являлись шведы, но их было не так много. Например, в 1691 г. в городе 100 домов из 200—250 принадлежало шведам, а остальные — русским[98]. В Ниэншанце, кроме финского, шведского и немецкого, находился также и православный приход[99].

Кроме того, в XVII в. на левом берегу Невы было предместье Канцев — старинное новгородское село Спасское с церковью Спаса. Церковь стояла примерно там же, где ныне находится Смольный собор. На шведской карте 1698 г.[100] имеется ее изображение. На рисунке ясно видны храм, увенчанный куполом-луковкой с крестом, притвор с крестом и алтарная часть с крестом. Спасская церковь весьма напоминала церковь св. Димитрия Солунского в Старой Ладоге (XVII в.).

Для своего времени Ниэншанц был крупным межцерковным центром, где населявшие его жители — православные и лютеране, миряне и духовенство — поддерживали повседневные практические отношения. Правда, иногда между православными жителями Ингерманландии и шведской лютеранской администрацией возникали нестроения. Так, в 1640 г., когда церковные связи местного населения с Новгородом стали затруднительны, многие православные жители Ингерманландии направили шведскому правительству просьбу, с которой они обращались к шведским властям и прежде о разрешении посвятить для них епископа или митрополита в Белоруссии, потому что в противном случае они должны были бы отправить какого-либо кандидата в Константинополь для принятия посвящения от Константинопольского патриарха[101].

Представители шведской администрации в ответ на эту просьбу заявили, что шведское правительство не может допустить, чтобы православные жители искали епископа или священников вне шведских владений и что тот епископ, который в скором времени будет назначен в Ниэншанц или в Нарву, получит право посвящать в священный сан избранных самими прихожанами способных и сведущих людей [102]. Между тем в замке Або (Турку) с 1639 г. находился русский монах, которому Константинопольский патриарх благословил быть архиепископом в Ингерманландии и которого предполагали отправить из Або на данцигском судне[103]. Таким образом, в эти годы шведская администрация стремилась держать под контролем церковно-административное устройство подвластных ей русских православных приходов.

18 июня 1661 г. между Швецией и Россией был заключен Кардисский мирный договор; состоялся обмен текстами «мирных актов». Это событие принесло некоторое облегчение православным христианам, жившим по-прежнему под властью шведской администрации. Карл XI (1660—1697), подтверждая в 1662 г. права и привилегии, данные Густавом Адольфом православным христианам шведских городов, позволил православным строить новые храмы, а также избирать священников из своих «землян, которые самим им любо» или вызывать православное духовенство из-за рубежа. Через 2 года тот же король выдал новую грамоту православным христианам, в которой предписывалось: «веры своей попов и божественного пения вольно держать»[104].

Но, не прибегая к насильственному обращению православных подданных в лютеранство, король обещал «особно свою милость тем, кто захочет принять прямую евангельскую (лютеранскую. — *А. А.*) веру, что в Свеи, или робят своих в тую же веру предать»[105]. Попытки шведской администрации обращать православных христиан в протестантизм вызвали озабоченность духовных властей Новгорода. Дело осложнялось тем, что, пользуясь вновь открывшейся возможностью, зарубежные православные жители приходили теперь из Ингерманландии в Новгород, чтобы поклониться мощам новгородских святых и помолиться в Софийском соборе. Царским указом было рекомендовано таких богомольцев испытывать в их верности Православию: «не пошатнулись ли которые в вере и не пристали ли к лютеранской вере. Если кто окажется твердым в вере, такого пускать к церквам.., а которые пристали к люторской вере, тех и на посад не пускать, и того бы есте однолично остерегали, чтобы нашей христианской вере поругания не было»[106].

Шведские авторы XVII в. о Новгороде

По мере развития межгосударственных отношений между Россией и Швецией углублялись и церковно-литературные связи между обеими странами. Но до XVII в. они носили эпизодический характер. Известно, например, что выдающийся немецкий печатник последней четверти XV в. Бартоломей Готан, уроженец Магдебурга, в 1486—1487 гг. работал в Швеции, а в 1493 г. перешел на русскую службу, прибыл в Новгород и некоторое время подвизался при дворе архиепископа Новгородского Геннадия. Бартоломей Готан сыграл определенную роль как в учреждении книгопечатания в России, так и в развитии русско-шведских культурных связей[107].

В XVI в. о России писал шведский архиепископ Олаус Магнус (1490—1557) в своем сочинении «История северных народов» (Historia de gentibus septentrionalibus. Romae, 1555). Но сведения о религиозном быте русского народа, приводившиеся в этом сочинении, носили отрывочный характер.

Спустя несколько десятилетий другой шведский историк — Петр Петри (1570—1622) уже уделил особое внимание религиозной стороне жизни России. Исполняя поручения шведского правительства, он пробыл в России с 1602 по 1606 г., затем вернулся на родину, а впоследствии — в 1608 и 1611 гг. — снова приезжал в Россию. В 1615 г. он издал в Стокгольме сочинение под названием «Regni Moscovitici sciographia» (на латыни, а также на шведском языке), а в 1620 г. в Лейпциге был опубликован немецкий перевод этого сочинения. Этот труд разделяется на 6 глав, и 6-я глава полностью посвящена описанию русского религиозного быта. Во время своего пребывания в России автор имел возможность путешествовать по русским землям, и это помогло ему составить подробное описание тех городов, в которых он побывал. Большое место в сочинении шведского автора уделяется древнему Новгороду, многочисленные храмы которого, несомненно, поразили его воображение. Сначала П. Петри приводит краткие исторические сведения о Великом Новгороде (Newgarten), который до 1477 г. был один из четырех главнейших промышленных городов в Европе, каковы: Берген в Норвегии, Визби (Висбю. — *А. А.*) на Готланде и Антверпен в Брабанте (ныне — в составе Бельгии)[108]. «Потом, — продолжает автор, — его разорил Иван Грозный в 1477 году; он отправился туда сам, благодаря содействию и старанию митрополита, под тем предлогом, что новгородцы хотели отступить от русской веры и принять римско-католическое учение и жить в этом исповедании; он хотел удержать их от того, чего в самом деле не было»[109].

Далее П. Петри переходит к описанию Новгорода как крупного православного центра России, отмечая, что «по всему городу несколько сотен церквей, монастырей и часовен, очень красиво построенных из дерева и камня, по русскому способу постройки. Колокольни большей частью обиты листовой желтой и красной медью и позолочены ярким чистым золотом; на них несколько тысяч колоколов, больших и малых; самый большой принадлежит церкви св. Софии. В крепости этого города имеет свое пребывание митрополит, первый после патриарха, по его значению и сану. Он имеет в Новгороде такую же распорядительную и разрешительную власть по церквам и монастырям, как и патриарх в Москве. Без его согласия нельзя никого выбрать в патриархи, также и венчать на царство великого князя; при этом должен находиться митрополит и дозволять венчание со всеми обрядами»[110].

Шведский автор, по-видимому, имел возможность побывать и во Пскове, имевшем давние исторические связи с Новгородом. Но, говоря о храмах Пскова, П. Петри лишь кратко отметил, что «в городе и за городом построено много прекрасных монастырей и церквей из кирпича, с высокими колокольнями и шпицами[111]; здесь же он упомянул и о древнем Псково-Печерском монастыре: «в одной миле[112] от Пскова находится прекрасный монастырь Печерский (Pezuer)»[113].

И, наконец, в сочинении П. Петри имеется упоминание о Соловецком монастыре, которое, по-видимому, было приведено здесь со слов русских паломников, побывавших в этой обители, расположенной на одном из островов в Белом море. «Соловки — остров в 20 милях от твердой земли, — пишет автор, — на нем построена церковь св. Николая с прекрасным мужским монастырем. Все монахи ведут такую набожную и святую жизнь, что считают великим грехом пускать в монастырь женщин»[114].

Книга П. Петри стала первым историческим сочинением о Московии на шведском (а не только на латинском) языке, что способствовало распространению в Швеции знаний о ее восточном соседе. Она оставалась ценным пособием и для русских читателей в течение многих лет. Так, например, гениальный русский ученый М. В. Ломоносов, будучи в Марбурге и Фрейберге в 1736—1741 гг., на свои крайне ограниченные средства приобрел там «книгу по русской истории шведского посланника в России Петра Петрея».

Определенный вклад в развитие русско-шведских церковных связей внес Матвей Шаум, который, подобно Бартоломею Готану, имел немецкое происхождение. М. Шаум служил в шведской армии до конца 1615 г. и участвовал в походе шведов на Россию. Получив увольнение, М. Шаум из Швеции возвратился в Германию и здесь вскоре издал свое сочинение; впервые оно было напечатано в Ростоке в 1614 г. в типографии И. Фусса. Он посвятил свою работу шведскому королю Густаву Адольфу. В середине прошлого столетия этот труд был опубликован на русском языке под названием «Tragedia Demetrio-Moscovitica» («История достопамятных происшествий, случившихся со Лже-Димитрием, и о взятии шведами Великого Новгорода. Сочинение Матвея Шаума, 1614 года»)[115].

По своей вероисповедной принадлежности М. Шаум был лютеранином, и это ясно прослеживается в его сочинении. Так, он повествует о том, как в 1611 г. шведские войска осадили и взяли Новгород: «25 июля (1611 г.), в день апостола Иакова, новгородцы совершенно предались покровительству короля шведского и признали своим великим князем одного из двух — герцога Густава Адольфа, или Карла Филиппа, кого бы ни получили, присягнули и поклялись»[116]. С удовлетворением сообщая об этом событии, М. Шаум делает следующий вывод: «Отныне мы не как прежде, уже не противу москвитян, но за москвитян должны молить Бога»[117]. В своей оценке случившегося автор исходил не только из военно-стратегических соображений, но и усматривал в этом событии промыслительное значение. «Хотя его королевское вели-

чество и наш главнокомандующий имели свои политические причины и намерение воевать, — писал М. Шаум, — но Господь Бог имеет между тем Свою пользу и скрытые причины, и употребляет нас к распространению своей Церкви и прославлению Своего имени»[118].

Впоследствии новгородцы сумели отстоять независимость своих земель, сохранив верность Православию и московскому правительству. И тем не менее сочинение М. Шаума является одним из интересных памятников в истории русско-шведских церковных связей.

В 1673 г. к царю Алексею Михайловичу было отправлено шведское посольство. Задачей этого очередного посольства было приведение в исполнение некоторых статей Кардисского договора[119]. В составе посольства находился Эрик Пальмквист, который по возвращении в Швецию составил записки об увиденном в России. Эта рукопись более двух столетий хранилась в Стокгольмском государственном архиве и только в 1898 г. была напечатана[120]. В этом сочинении Э. Пальмквиста имеются рисунки, карты и топографические планы древних русских городов: Новгорода, Пскова, Торжка, Твери и др. Одна из схем, составленных автором, — это план Псково-Печерского монастыря. Вот как описывает его автор: «Печоры расположены на высоком и плоском холме в форме прямоугольника, окруженного толстыми и довольно высокими стенами и башнями. Посредине монастыря течет маленький ручей, по имени Белая, вытекающий прямо перед стеной с северной стороны из прекрасного и чистого источника»[121]. Среди других башен монастыря находились Богородицкие врата, которым, по словам автора, приписывалось большее значение, чем прочим башням, так как «на них находится образ Божией Матери, помощью которого поляки были однажды отбиты отсюда»[122]. У Пальмквиста есть заметка и о монастыре св. Николы Столобенского близ Вышнего Волочка. «В этом монастыре, — пишет Пальмквист, — живут 7 монахов, все беглецы из Ингерманландии»[123], то есть из новгородских земель, уступленных Швеции в 1617 г.

Швеция и Тихвинский монастырь в XVII в.

Тихвин, наряду со Псковом, был крупным православным центром, входившим в сферу влияния Новгорода. Его жители поддерживали тесные торговые связи как с Новгородом, так и со Швецией и с городами, находившимися под управлением шведской администрации. Эти связи осуществлялись русскими людьми, ездившими по воде и по суше в Ниэншанц и Стокгольм, а также шведскими подданными, приезжавшими в Тихвин. Ввиду того, что Тихвин до 1773 г. являлся монастырским посадом, его управление находилось в ведении монастыря.

В отечественных архивах сохранились многочисленные сведения, охватывающие все многообразие отношений между жителями Тихвина и шведами[124]. Можно привести некоторые сведения о церковных аспектах этих связей. Так, к октябрю 1675 г. относится челобитная архимандрита Тихвинского монастыря Макария в новгородскую приказную палату о выдаче проезжей грамоты в Швецию монастырским насельникам для закупки церковного вина, железа, писчей бумаги и соли[125].

«В доме Пречистые Богородицы великая нужда на церковное строение и каменному делу на связи нет железа протового и чем главы (купола храма. — *А. А.*) обить белого железа и соли и писчие бумаги и церковного вина, а купить, государь, кроме свитцкого рубежа, такова монастырского запасу негде»[126], — так мотивировалась просьба архимандрита Макария.

К маю 1678 г. относится другой документ подобного содержания; что челобитная тихвинских посадских людей Новгородскому митрополиту Корнилию об отпуске с ними на время их торговой поездки в Стокгольм священника для совершения богослужения. Эта просьба была удовлетворена и «для божественного правила и для исповеди и смертного ради часа для причащения душ христианских... велено отпустить... с Тихфины белого попа Ивана Яковлева сына Давыдова»[127].

Швеция поддерживала отношения не только с Тихвинским монастырем, но и с другими монастырями, расположенными в новгородских землях. Так, в 1660 г. в Стокгольм ездили крестьяне вотчин Иверского (Валдайского) монастыря «Кирилка Терентьев с товарыщи»[128]. Были подобные отношения у шведов и с приладожским Александро-Свирским монастырем, у стен которого происходил торг со шведскими подданными.

Межцерковные отношения в приграничных землях в XVII в.

На протяжении нескольких десятилетий шведская администрация, управлявшая землями, вошедшими в состав Швеции, старалась укреплять свое влияние в разных сферах жизни, в том числе и религиозной. Это относилось в первую очередь к тем землям, которые ранее входили в сферу влияния Новгорода, — Карелии и Вотской пятины (Ингерманландии).

Но, несмотря на попытки, предпринимавшиеся шведским правительством к обращению в лютеранство православных жителей Ингерманландии, они все же составляли самую значительную часть народонаселения области и во всем следовали православным обычаям, хотя собственно русских по происхождению там было не так много.

Такие же меры предпринимались в последней четверти XVII в. суперинтендентом Гецелиусом (1651—1689). Было обнародовано ранее принятое постановление (впоследствии

подтвержденное и Карлом XII) об освобождении от податей тех православных христиан, которые примут лютеранское вероучение. Чтобы легче достигнуть этой цели, шведские церковные власти вскоре установили новое разделение приходов, причем те из них, в которых употреблялся русский язык, сохранили права и преимущества, предоставленные православным по Столбовскому договору 1617 г. Все остальные прихожане, говорившие по-фински, были отделены и причислены к разряду лиц, исповедующих лютеранскую веру. Число таких семейств, отделенных от православных приходов, доходило до трех тысяч.

Все эти меры вызвали противодействие православного населения Ингерманландии. Многие жители обратились с жалобами к русскому правительству, которое дипломатическим путем потребовало от шведского правительства соблюдений условий мирного договора относительно свободы веры в находившихся под властью Швеции землях. Для Швеции было важно сохранить дружбу с Россией. В 1684 г. в Москву прибыло шведское посольство с объяснением, что правительство Швеции ничего не знало о притеснениях, на которые жаловались православные жители Ингерманландии, но что если эти факты подтвердятся, то насилие будет немедленно прекращено. Вскоре были сделаны соответствующие распоряжения, но временное облегчение получили только те православные, которые говорили по-русски. Что же касается остальных православных жителей, которые не говорили по-русски, то они по-прежнему подвергались влиянию прозелитизма. В 1686 г. суперинтендент Гецелиус составил в Стокгольме «увещание ко всем тем, которые, хотя говорят по-фински, до сих пор придерживались к русским церквам и к их священникам». В следующем году это воззвание было напечатано на финском языке для распространения среди православных жителей как Ингерманландии, так и Карелии. Противодействие прозелитизму в этих землях не прекращалось и впоследствии, что, несомненно, облегчило Петру I освобождение этого края и возврат его в состав России в 1702—1704 гг.[129]

НОВГОРОД И НОРВЕГИЯ

При освещении истории церковных связей Новгорода с Норвегией необходимо учитывать, что после Кальмарской унии 1397 г. Дания, Швеция и Норвегия составляли триединое государство под властью датских королей. После отделения в 1523 г. Швеции сохранилась уния Дании и Норвегии, причем в 1536 г. Норвегия была лишена внутренней автономии и стала частью датского государства. Но, несмотря на политические подчинение датской власти, Норвегия в XV—XVII вв. фактически продолжала быть отдельной страной. Поэтому в настоящем обзоре церковные связи Новгорода с Данией и с Норвегией рассматриваются раздельно.

Общность начальной церковной истории Руси и Норвегии кратко и образно охарактеризовал один из русских публицистов, побывавший в Норвегии в конце XIX в. «Ставангер — город старинный, ровесник Новгороду, пожалуй, даже старше его... Он заслуженно привлекает путешественников, и не только потому, что стоит у входа в мир фьордов. Там есть большая церковь, стоящая с самого введения христианства, с X века. Норвежцы крестились почти в одно время (995 г. по Р. Х.) с нами, русскими»[130].

В древней Ладоге не раз находили приют норвежские короли, изгнанные из страны во время междоусобиц: Олаф, сын Трюггви (годы правления 994—1000 (999)); Олаф, сын Харальда (1013(1015—1028); его сын Магнус (1034-1035—1046(1047))[131]. Близкие отношения между Норвегией и Русью поддерживались и при Гаральде III Грозном (1047—1066), брате св. Олафа. После гибели брата в 1030 г. в сражении при Стикластадире Гаральд бежал на Русь к киевскому князю Ярославу Мудрому (1015—1054)[132] и был поставлен во главе варяжской дружины. Пробыв после этого около 10 лет в Византии на военной службе у византийского императора, Гаральд в 1042 г. вернулся на Русь и женился на Елизавете — дочери Ярослава Мудрого. О его отъезде из Новгорода в 1043 г. с женой Елизаветой сообщается в древней исландской саге. Там говорится, что, проведя зиму у князя Ярослава, «весной собрался он в путь из Хольмгарда (Новгорода. — *А. А.*) и отправился в Альдейгьюборг (Ладога. — *А. А.*)»[133], а оттуда — в Швецию. И в дальнейшем Гаральд III в своей церковной политике ориентировался на Византию и Православную Церковь, представители которой в это время побывали даже в далекой Исландии[134].

Память о пребывании Гаральда в Новгороде отразилась в местной топонимике. Здесь издревле имелась Варяжская улица, а на ней — так называемый «Гаральдов вымол» (пристань.— *А. А.*). По словам одного современного исследователя, «обычно указанный в «Уставе о мостех» Гаральдов вымол, связываемый с именем норвежского принца Гаральда, мужа дочери Ярослава Мудрого Елизаветы, помещают на берегу (Волхова. — *А. А.*) в районе Варяжской улицы»[135].

В рассматриваемый период поездки норвежцев на Русь были уже обычным делом, несмотря на то, что об этом мало упоминается в источниках. (Русские письменные источники до XIV в. вообще не содержат никаких сведений об отношениях с Норвегией). Что касается исландских саг, то в одной из них говорится, например, о норвежском мореходе Гудлейке из Агды, который «часто ездил на Русь, и потому его называли «Гудлейк Русский»[136].

В эти годы норвежцы могли иметь отношения с русскими людьми и в Норвегии. Источники

свидетельствуют о появлении новгородцев у побережья северной Норвегии около 1200 г., а в самом начале XIII в. — о собирании ими дани с жителей народности саами на Кольском полуострове[137]. Ценные сведения по истории русско-норвежских связей XIII в. содержит «Сага о короле Хаконе, сыне Хакона»[138]. К этому времени норвежцы уже знали путь из Беломорья в центральные русские земли, во Владимиро-Суздальское княжество. Один из участников упоминаемого в саге плавания — норвежец Огмунд (из Spanheimr) в 1222 г. из Беломорья отправился через Суздаль (Sursdalir) «в Хольмгарды (Новгород. — *А. А.*), а оттуда восточным путем на море, и не останавливался, пока не приплыл в Jórsalir (Иерусалим. — *А. А.*). Вернулся он оттуда обратно в Норвегию, и поездка его прославилась»[139]. Путь, который был избран Огмундом для поездки в Святую Землю, еще раз свидетельствует о тесных русско-норвежских связях в XIII в. С XII в. скандинавы обычно ездили в Палестину иными, западноевропейскими путями, но тем не менее Огмунд отправился в путь не из своей родной страны, а из Новгорода[140].

Еще одно важное свидетельство, касающееся истории связей Новгорода с Норвегией, содержится в саге о Хаконе. В 1251 г., как говорится в саге, в Норвегию из Новгорода от великого князя Александра Невского прибыло посольство, во главе которого стоял «витязь Михайла». «В ту зиму, когда Хакон конунг сидел в Трондгейме, прибыли с востока из Гардарики (Русь. — *А. А.*) послы Александра, конунга Хольмгарда (Новгорода. — *А. А.*); звался Микьял, и был рыцарь, тот, кто стоял во главе их. Жаловались они на то, что делали между собой чиновники Хакона конунга на севере в Марке (Финмаркен, земля саами. — *А. А.*) и с востока кирьялы (карелы. — *А. А.*)»[141].

Предметом переговоров были трения, которые происходили в Финмаркене между норвежскими сборщиками дани и карелами. Переговоры проходили успешно. Весной того же года король отправил норвежских послов в Новгород, где они заключили соглашение относительно русских и норвежских областей в Финмаркене. Вот что говорится об этом в саге Хакона: «Хакон конунг решил так: послал мужей на Трондгейм весной, и поехали на восток в Хольмгард вместе с послами Александра конунга; стояли во главе их Виглейк, сын священника, и Боргар. Поехали они в Бьоргюн (Берген, Норвегия. — *А. А.*), а оттуда восточным путем. Прибыли они летом в Хольмгард, и конунг принял их хорошо; и установили они тут же мир между своими данническими землями так, чтобы не нападали друг на друга ни кирьялы, ни финны»[142].

У новгородских послов была еще одна цель — сделать брачное предложение дочери Хакона от имени сына Александра Невского: им было поручено «повидать госпожу Кристин, дочь Хакона конунга, потому что конунг Хольмгардов велел им узнать у конунга, не отдаст ли он госпожу ту замуж за сына Александра конунга»[143], сообщается в саге Хакона. Но эти намерения, свидетельствовавшие о желании князя Александра Невского укрепить русско-норвежские отношения, не смогли быть осуществлены из-за татаро-монгольского нашествия. Как сообщается в той же саге, «в то время было немирье великое в Хольмгарде; напали татары на землю конунга Хольмгардов. И по этой причине не поминали больше о сватовстве том, которое велел начать конунг Хольмгарда»[144].

Но, несмотря на это, сага свидетельствует о том, как в далекой саамской тундре встретились интересы Новгорода и Норвегии, как проходили переговоры и был заключен русско-норвежский договор, текст которого, к сожалению, не сохранился. Следует отметить, что в начале XIX в. в русско-норвежских научных кругах стало известно о еще более древней грамоте, в которой руническими буквами в отдельных статьях были оговорены рубежи между владениями Норвегии и Руси. Эта грамота была обнаружена в рукописном кодексе «законов боргартингенских, норвежских»[145]. В конце этого кодекса ученым Иоанном Спарфенфельдом было собственноручно записано: «По благосклонности почтенного господина Николая Халфарда, Гиерненской церкви в Норвегии трудолюбивейшего пастора, пожертвован сей кодекс законов норвежских Иоанну Спарфенфельду в Шеене, 9 августа 1677 года»[146].

Внук Иоанна Спарфенфельда — Яков Спарфенфельд в 1774 г. подарил шведской гимназии в Вестеросе доставшиеся ему от деда 12 славянских книг; среди них были 4 рукописных сборника и древняя руническая грамота[147]. По мнению русского исследователя П. Буткова, изучавшего текст этой грамоты в первой половине XIX в., она «составлена в продолжение связей государей русских с королями норвежскими»[148], то есть в конце X — первой половине XI в.

В результате продолжавшегося освоения побережья русскими и норвежскими поморами к началу XIV в. в районе Варангер-фьорда сложилась фактическая граница русских и норвежских интересов, и, по договору Новгорода с Норвегией от 1326 г., эта граница была официально признана обеими сторонами. С этого времени Русь и Норвегия стали пограничными государствами[149].

Интересны обстоятельства, связанные с заключением этого договора. Со стороны норвежцев его подписание санкционировал правитель Эрлинг, а с русской — Новгородский епископ Моисей. В 1326 г. норвежским королем официально считался тогда 10-летний шведский король Магнус, сын Эрика, живший в Стокгольме, но фактически во главе Норвегии стоял правитель Эрлинг, сын Видкуна. Что касается Руси, то московский князь Юрий Данилович, под покровительством которого в то время находился Новгород, был убит в междоусобной войне тверским

князем Димитрием в 1324 г. Поэтому договор с прибывшим в Новгород Хаконом, послом норвежского (и шведского) короля, подписал представитель Русской Православной Церкви — епископ Новгородский. Обе стороны пришли к мирному решению конфликта, несмотря на то, что папа Римский Иоанн XXII (1316—1334), чье влияние было сильно тогда в Скандинавии, призывал норвежцев к крестовому походу против «врагов креста» (булла папы Иоанна XXII от 10 февраля 1323 г.)[150]. Буллой от 13 августа 1326 г. папа Иоанн XXII снова рекомендовал Эрлингу употребить для подготовки «крестового похода» половину десятины, собранной за 6 лет с Норвегии для папского престола. Но папская булла пришла слишком поздно, так как дальше приготовлений к «крестовому походу» норвежский правитель не пошел. 3 июня 1326 г., как уже было отмечено, норвежский посол Хакон заключил с Новгородским епископом Моисеем мирный договор[151].

Следует упомянуть о мотивах, которыми руководствовался Эрлинг, заключая в 1326 г. договор с Новгородом. Дело в том, что при подготовке «крестового похода» встретились серьезные препятствия. В Норвегии был неурожай и государственная казна опустела. Оскудели и церковные доходы. Поэтому Эрлинг прибег к последнему средству — обратился с просьбой о материальной помощи к папскому престолу. Но на поездку норвежских послов в Авиньон [события происходили в период так называемого «Авиньонского пленения пап» (1305—1377 гг.)] и на обратную дорогу должно было уйти много времени, и Эрлинг не стал дожидаться ответа[152].

Но как бы то ни было, между Норвегией и Новгородом в то время существовали устойчивые традиционные связи, и не случайно в договоре 1326 г. говорится о том, что он заключается, «как бывало прежде между предшественниками нашими»[153].

НОВГОРОД, ФИННО-УГРЫ И КАРЕЛЫ

Завершая обзор русско-скандинавских церковных связей, следует уделить внимание истории взаимоотношений новгородцев с финским и карельским населением земель, входивших в сферу влияния Великого Новгорода. Хотя Финляндия и не является скандинавской страной (поскольку в это понятие включаются родственные друг другу в языковом и этническом отношении Дания, Швеция, Норвегия и Исландия), но некоторые особенности ее развития, а именно: вхождение на протяжении веков в состав Шведского государства, тяготение к сотрудничеству со скандинавскими странами в области религиозной и культурной жизни, не говоря уже о тесном соседстве с ними, — все это позволяет изучать Финляндию наряду и в связи со скандинавскими странами.

Финны и Древняя Русь (XI—XIII вв.)

Связи русских христиан с финно-угорскими народностями в эпоху христианизации Руси наиболее интенсивно осуществлялись в новгородских землях и в самом Новгороде. Так, в Новгороде в недавние годы найден древнейший памятник финского языка — финская берестяная грамота, лежавшая рядом с написанными по-русски[154]. По словам академика Д. С. Лихачева, «мирное соседство русских и карельских деревень на севере в течение тысячелетия — факт очень показательный. Соседство с русскими мери, веси, ижоры и т. д. не было окрашено кровопролитиями. В Киеве был Чудин двор — какого-то знатного представителя чуди (будущих эстонцев). В Новгороде была Чудинцева улица»[155].

Первоначально Новгород подразделялся на три «конца» — Словенский, Неревский и Людин. По-видимому, Новгород объединил в себе разноплеменные поселения, причем «Неревский конец» был связан с финским населением[156]. Отдельные представители финской знати включались в состав новгородского правящего сословия; так, в 1219 г. новгородским тысяцким был избран Семен Емин, представитель родовой знати племени емь.

Со временем, когда Новгородская земля вошла в состав Древнерусского государства, ее прежняя трехчастная структура не стерлась. В XII—XIII вв. в северных и северо-восточных областях новгородских земель по-прежнему преобладало финноязычное население. Так, по свидетельству одного письменного источника XVII в., в Кексгольме (соврем. Приозерск. — *А. А.*) до XIV в. финны «с русскими были настолько соединены, что трудно сказать, на чьей стороне была высшая власть»[157].

Как известно, финны были обращены в христианство шведскими миссионерами. Но среди слов церковного обихода, заимствованного ими от шведов, в финском языке встречаются такие слова, как Raamattu (Библия) (от русск. — грамота), risti (крест), pappi (поп, священник) и другие. В этом можно видеть следы контактов финнов с новгородскими православными миссионерами до появления среди финнов католичества. Это подтверждается и археологическими раскопками, проведенными в местах расселения финнов и соседних с ними карел. В финских погребениях XI—XIII вв. обнаружены крестики, имеющие как византийское, так и славянское происхождение. Эти атрибуты Православия попадали в Финляндию разными путями. По мнению современной финской исследовательницы Хирвилуото Анны-Лиизы, «возможно, что эти изделия были привезены сюда из района Рижского залива или через его посредство... Район Рижского залива занимал господствующее место в то время в торговле, направленной по Западной Двине

и Днепру в области славяно-русской культуры. Важным исходным пунктом этой торговли являлась Киевская держава. Оказавшиеся в Финляндии византийские находки, видимо, были ввезены в страну при посредстве двинских купцов»[158].

Но связи между Финляндией и районом Рижского залива осуществлялись лишь в эпоху викингов и крестовых походов. Оживленный обмен между Финляндией и этим регионом был прерван, когда в начале XIII в. немецкий рыцарский орден захватил Ригу. И тем не менее предметы православного Востока продолжали попадать в Финляндию, и осуществлялось это, как и ранее, через новгородские земли. Речь идет, в частности, о медных крестиках с желтой выемчатой эмалью, которые широко представлены в памятниках Древней Руси. Имеются основания утверждать, что изготавливались они на Киевщине в XI — начале XIII в. Подобный крестик найден в Финляндии (Хоймионмяки). Более многочисленную группу находок на территории Финляндии образуют равноконечные крестики-привески с рельефным орнаментом на лицевой стороне. Такие крестики были широко распространены в лесной зоне Руси, где, очевидно, находилось место (или места) их изготовления.

Из Кеволы происходит серебряный двусторонний крест-складень, на лицевой стороне которого изображено Распятие. Подобные кресты имеются в собраниях древнерусской мелкой пластики, в том числе найденные в Новгороде, на Киевщине и в различных курганах. Найденный в Таскула крестик с изображением Распятия имеет ближайшие аналогии в Новгороде. Некоторые предметы христианского культа из памятников Финляндии имеют византийское происхождение, но связаны с Русью и проникали на север через новгородские земли[159]. Таким образом, анализ распространения предметов христианского культа на территории Финляндии показывает, что первоначальное христианство в землях еми и суми, прежде всего, связано с древнерусским влиянием и относится к XI в.

Ценные находки предметов христианского культа древнерусского происхождения сделаны и в землях корелы. Христианство в земли корелы пришло позднее. Первые находки христианского культа здесь датируются XII—XIII вв., а Лаврентьевская летопись сообщает, что корела была крещена князем Ярославом Всеволодовичем в 1227 г. Как свидетельствуют археологические материалы, корела целиком входила в сферу новгородского влияния, в том числе и церковного. Это подтверждают исследования, проведенные в Приозерске в 1970-х гг. В 1976 г. при раскопках здесь были найдены янтарные и бронзовые нательные крестики XIII—XIV вв. Такие изделия во множестве расходились из Новгорода не только на Руси, но и попадали к народам юго-восточной Прибалтики и Финляндии. Там же были найдены две печати с изображением Богоматери «Знамение»; на обороте печати был изображен сложный восьмиконечный крест[160].

Распространение предметов православного культа в Финляндии осуществляли новгородские купцы, регулярно посещавшие эти земли. Места остановки новгородцев, как установили историки и лингвисты, находились как в Финляндии (Турку), так и в Швеции (Висбю, Сигтуна). Еще несколько десятилетий тому назад было высказано предположение, что название самого древнего города Финляндии — Турку, вероятно, происходит от древнерусского слова «торг», которое означало место торговли.

Влияние новгородцев в финских землях было настолько большим, что это вызывало озабоченность римо-католических миссионеров, осуществлявших христианизацию Финляндии. И не является случайностью тот факт, что, например, в 1229 г. папа Григорий IX запрещал финнам торговлю с новгородцами, указывая на то, что они препятствовали распространению католичества в Финляндии; он поручил рижскому епископу «действовать убеждениями и своей церковной властью на купцов»[161].

Финляндия и Россия в XIV—XVII вв.

В рассматриваемый период Финляндия входила в состав Шведского государства, и в документальных источниках, относящихся к этой эпохе, в основном содержатся сведения о русско-шведских связях. Тем не менее русско-финские церковные связи также продолжали осуществляться, но на местном, региональном уровне. В местах поселения русских, финских и карельских христиан были основаны Валаамский (XII в.) и Коневецкий (XIV в.) монастыри.

В силу различных причин местные православные христиане часто были вынуждены жить в инославном окружении. Так, в шведских податных списках крестьян (от 1571 г.) губернии Саво (соврем. центр — г. Миккели) встречается много русских фамилий; таковы, например: Ильины, Карпины, Козьмины, Тихоновы и т. п. Крестьяне, носившие эти фамилии еще в XIV в., были либо потомками тех карел, которые жили здесь до уступки новгородцами этой области шведам в 1323 г. по Ореховецкому договору, либо потомками карел, бежавших сюда после их восстания против Новгорода в 1337 г.[162]

В годы интенсивного развития русско-шведских отношений духовенство Финляндии не оставалось в стороне от этого процесса и проявляло большой интерес к его развитию. Это явствует, например, из письма, направленного в 1513 г. Арвидом Курком, епископом Або (Турку), шведскому правителю Стену Стуре Младшему (1512—1520) по поводу посылки в Россию Нильса Эскельсона с товарищами[163].

Как известно, отношения России со Швецией складывались на протяжении нескольких столетий по-разному и порой омрачались военными столкновениями. И тем не менее это не отражалось на отношениях русских и финских христиан, живших вдоль границы шведских и новгородских земель. В 1612 г., во время похода шведских войск в Карелию, здесь же по инициативе пограничного населения между местными властями и подчиненной шведам северной Эстерботнии, с одной стороны, и русской администрацией в поморских волостях, а также игуменом Соловецкого монастыря — с другой — было достигнуто локальное пограничное перемирие. Шведские и русские местные власти «накрепко заказали своим служилым людям, чтобы они жили смирно и задоров никоторых не чинили»[164].

Но, кроме тягот, связанных с войнами, в те времена местное православное население испытывало также и лишения духовного характера со стороны шведской администрации. По мнению финского историка В. Салохеймо, «духовный гнет был главнейшей, постоянно действующей причиной бегства карел (с финских земель. — *А. А.*), тогда как экономический гнет оказывался лишь побочным фактором». Признавая массовый характер переселения карел в Россию в XVII в., финские авторы справедливо отмечают, что из-за разрозненности источников невозможно определить его точные масштабы. По данным сохранившихся списков переселенцев, составленных до 1652 г., в Россию ушло более 1800 семей, или около 10 тысяч человек. Русско-шведская война 1656—1658 гг. стала кульминационным моментом в переселении карел в Россию. Финские историки при определении численности переселенцев в эти годы обычно ссылаются на сведения 1657 г., согласно которым из северной части Корельского уезда выселилось 4107 семей. По расчетам финского историка Ю. Лаппайнена, в период войны убыль православного населения в Кексгольмском лене составила около 18 тысяч человек. Финские историки признают, что карельское население почти полностью ушло в новгородские земли. Карелы оставались в большинстве только в приходах Салми, Суоярви и Иломантси и небольшими православными островками среди лютеранского финского населени в районах Сортавалы, Суйстамо и др.[165].

Новгородские земли и Финляндия в XVIII в.

В 1700—1721 гг. Россия принимала активное участие в Северной войне, и русско-шведские отношения в эти годы подвергались тяжелым испытаниям. Но Северная война не помешала дружественным отношениям русских и финских пограничных жителей. Уже в первые месяцы войны определилось взаимное желание населения обеих сторон сделать локальное перемирие традиционным. В первой половине ноября 1700 г. это стало известно местным шведским властям. О ведшихся на северной границе переговорах знало и русское правительство. Соответствующее соглашение было достигнуто на специальной встрече представителей обеих сторон. Устная традиция приписывает инициативу переговоров пастору одного из приходов Каянского лена Юхану Андре Каянусу. Впоследствии, как это видно из документа, датированного ноябрем 1706 г., пограничное крестьянское перемирие неоднократно обновлялось и подтверждалось[166].

Традиция заключения пограничных перемирий на северной границе России и шведской Финляндии была продолжена в конце XVIII в. С началом русско-шведской войны 1788—1790 гг. между губернатором Улеаборга (соврем. Оулу) и Каяни и русским губернатором в Петрозаводске велась переписка относительно возможности заключения локального мира в пограничных районах. Инициатива на этот раз исходила от русского православного населения, которое обосновывало свои предложения прецедентами прежних времен[167].

В ходе Северной войны России были возвращены исконные новгородские земли, входившие до этого в состав Швеции. На этих землях вместе с православными христианами жили и лютеране. Русская администрация проявляла в отношении местных лютеран веротерпимость и старалась не вмешиваться во внутренние дела церковных общин. Участие Св. Синода Русской Православной Церкви в назначении пасторов на лютеранские приходы носило лишь форму правительственного утверждения, а избрание пасторов совершалось самими прихожанами. Это явствует, например, из содержания указа от 19 июля 1721 г. «Об определении Таранниуса пастором к Сердобольской (ныне — в г. Сортавала. — *А. А.*) лютеранской церкви», куда хотел попасть и другой претендент — пастор Вастин. Синод обосновывал свое назначение именно Таранниуса следующим образом: «Угонимского погоста пастору Вастину при кирхе быть не велеть для того, что помянутые жители иного пастора кроме оного Таранниуса не желают»[168].

В первой половине XVIII в., когда новгородские земли, входившие в состав Ингерманландии, были возвращены Петром I России, в Ниэншанце была большая шведско-финская лютеранская община. Ее пастор был вместе с тем и пробстом финских окрестных сельских церквей. При взятии войсками Петра I этого города церковь была упразднена, жители поселились в Петербурге и образовали шведско-финский приход. К этому приходу были причислены и шведские военнопленные, собранные сюда из других покоренных городов для построения города и крепости.

Первым пастором этой церкви был ниэншанский пастор Яков Манделин, привезенный в качестве военнопленного в Петербург. Впоследствии он был назначен пробстом всех лютеранских приходов в Ингерманландии. Шведы и финны в своей слободе образовали один приход, имели

одного общего пастора и общее место для молитвенных собраний. В 1733 г. императрица Анна Иоанновна отвела для этого прихода место на Большой Конюшенной улице и пожертвовала на строительство 500 рублей. Ее примеру последовали состоятельные лютеране в Петербурге, Ревеле, Риге и Нарве. Церковь была освящена 19 мая 1734 года.

В 1745 г. произошло отделение шведов от финского прихода. Они приобрели на той же улице участок земли. Сначала богослужение совершалось в частном доме, а в 1767 г. они построили каменную церковь. В 1803 г. финны-лютеране также построили каменную церковь на Большой Конюшенной улице и назвали ее храмом св. Марии.

Заключение

Из обзора церковных отношений Новгорода с каждой из стран Северной Европы явствует, что связи России и ее северных соседей на протяжении веков были многообразны и охватывали сферу не только материальной, но и духовной культуры. Исторические связи Русской Православной Церкви со Скандинавией зародились на заре существования Русского и скандинавских государств.

На протяжении нескольких столетий Новгород играл первенствующую роль в развитии этих отношений. Вхождение новгородских земель в состав Московского княжества в 1478 г. не уменьшило значения Новгорода как крупного духовного центра, где по-прежнему продолжалось развитие межцерковных связей. И лишь когда в начале XVIII в. в дельте Невы был основан Санкт-Петербург, основным местом русско-скандинавских контактов наряду с Москвой стала новая столица Российской империи.

На всем протяжении XVIII—XIX и начала XX в. С.-Петербург был основным центром политических, торговых и культурных отношений России и скандинавских стран. В его библиотеках и музеях собрано большое количество скандинавских книг и памятников церковного искусства, в архивах — множество материалов по истории русско-скандинавских церковных отношений, которые ждут своего исследователя.

В 1970 г. в учебном центре «Синаппи» (Турку, Финляндия) состоялось первое богословское собеседование представителей Русской Православной и Финской Евангелическо-Лютеранской Церквей. Плодотворные результаты последовавших затем пяти богословских встреч («Синаппи-2», 1971 г., — «Синаппи-6», 1983 г.) вызвали интерес у лютеранских богословов из скандинавских стран. Поэтому на очередном двустороннем собеседовании «Синаппи-7» (Миккели, июнь 1986 г.) среди других гостей в качестве наблюдателя присутствовал представитель Евангелическо-Лютеранской Церкви Норвегии. Можно надеяться, что в будущем может быть осуществлено более широкое и активное участие представителей скандинавских стран в дальнейших богословских встречах «Синаппи». Это послужит хорошим стимулом для углубленной разработки истории русско-скандинавских церковных связей, что, в свою очередь, явится достойным вкладом в изучение духовного наследия Русской Православной Церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЖМП, 1986, № 11, с. 63.

[2] *Свердлов М. Б.* Известия о русско-скандинавских связях в Хронике Адама Бременского. — «Скандинавский сборник», № XII. Таллин, 1967, с. 275.

[3] См.: *Макаев Э. А.* Руническая надпись из Новгорода. — «Советская археология», 1962, № 3, с. 309—311; *Арциховский А. В.* Археологические данные по варяжскому вопросу. — В сб. «Культура Древней Руси». М., 1966, с. 40.

[4] Annales Pegauenses. Ed. G. Waitz. Monumenta Germaniae Historica, s. XVI.

[5] Подробнее см.: *Свердлов М. Б.* Известие о Руси в Пегауских анналах. — «Вестник ЛГУ», 1967, № 14, вып. 3, с. 153—155.

[6] См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией А. Н. Насонова. М., 1950, с. 22, 23, 206, 208.

[7] Там же, с. 207.

[8] Подробнее см.: *Мавродин В. В.* Начало мореходства на Руси. Л., 1949, с. 108.

[9] См.: Собрание государственных грамот и договоров (СГГ и Д). Часть V. М., 1894, № 110.

[10] См.: *Щербачёв Ю. Н.* Русская историческая библиотека. Т. XVI. СПб., 1897, № 9.

[11] Там же, стлб. 22—23.

[12] Там же, стлб. 23—24; см. также: *Казакова Н. А.* Русско-датские торговые отношения в конце XV — начале XVI в. — В сб. «Исторические связи Скандинавии и России». Труды Института истории. Ленинградское отделение. Вып. 11. Л., 1970, с. 97.

[13] См.: *Расмуссен. К.* О книге Якова Ульфельда «Hodoeporicon Ruthenicum». Франкфурт, 1608. – «Скандинавский сборник», № XXIII. Таллинн, 1978, с. 62.

[14] Путешествие в Россию датского посланника Иакова Ульфельда в 1575 году. — ЧОИДР, 1883, кн. 1, отд. III, с. 10.

[15] Там же, с. 10—11.
[16] Там же, с. 11.
[17] Там же, с. 13.
[18] Там же, 1883, кн. 2., с. 17.
[19] Там же, с. 17.
[20] Там же, с. 18.
[21] Там же, с. 19—20.
[22] Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Россию в 1602 году. Публикация Ю. Н. Щербачева. ЧОИДР, 1911, кн. III, ч. 2, с. 9.
[23] Там же.
[24] См.: Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959, с. 70—73.
[25] Путешествие..., с. 10.
[26] Там же, с. 10—11.
[27] См.: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. II. СПб., 1853, с. 308.
[28] См.: *Ивина Л. И.* Об участии датского резидента Бутенанта фон Розенбуша в строительстве русского флота в конце XVII в. — В сб. Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970, с. 107.
[29] См.: *Щербачев Ю. Н.* Русская историческая библиотека, т. V. СПб., 1878, № 393.
[30] См.: *Устрялов Н. Г.* Указ. соч., с. 308; *Ивина Л. И.* Указ. соч., с. 108.
[31] Архив Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ). Фонд Иверского монастыря (181), карт. 96, д. 4, лл. 57, 60—61 (См.: *Ивина Л. И.* Указ. соч., с. 109).
[32] Там же, карт. 97, д. 13, л. 22—23. (См. *Ивина Л. И.* Указ. соч., с. 110).
[33] Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711). М., 1900, с. VII (предисловие).
[34] Там же, с. 51.
[35] Австрийский генерал Георг Бенедикт Огильви (1644—1710) в 1704 г. был приглашен на службу к Петру I; в 1706 г. уволен с русской службы (*Прим. авт.*).
[36] Записки..., с. 51—52.
[37] Там же, с. 56—59.
[38] Там же, с. 60.
[39] Там же, с. 87.
[40] Там же, с. 80—82.
[41] Там же, с. 86; см. также с. 234.
[42] Там же, с. 140—141.
[43] Там же, с. 257—258.
[44] Там же, с. 347—349.
[45] Там же, с. 106.
[46] Там же, с. 108.
[47] Там же, с. 109.
[48] Там же.
[49] Там же, с. 448 (приложение).
[50] См.: *Свердлов М. Б.* Скандинавы на Руси в XI в. — «Скандинавский сборник», № XIX. Таллинн, 1974, с. 65. (В письменных скандинавских источниках Ладога называется Альдейгьюборг. — *Прим. авт.*).
[51] См.: *Славянский М.* Историческое обозрение торговых сношений Новгорода с Готландом и Любеком. СПб., 1847, с. 12.
[52] В Новгородской первой летописи под 1152 г. говорится о «варяжской божнице». Новгородская первая летопись..., с. 29.
[53] Цит. по: *Андреевский И. О договоре Новгорода с немецкими городами и с Готландом, заключенном в 1270 году. СПб., 1855, с. 46.*
[54] См.: *Никитин В. А.* Слава и щит Руси. «Богословские труды», Сб. 25. М., 1984, с. 289.
[55] См.: Туулзе Армин и его новая книга (рецензент Вага В. Я.). — «Скандинавский сборник», № XVI. Таллинн, 1971, с. 295.
[56] Там же, с. 295—296.
[57] См.: *Ю. Ш.* Два посольства при Иоанне IV Васильевиче. — «Русский вестник», 1887, № 7, с. 120; см. также: *Шаскольский И. П.* Устройство шведских гостиных дворов в городах России после Столбовского мира 1617 г. — «Скандинавский сборник», № X. Таллинн, 1965. с. 83—105.
[58] См.: *Грот Я. К.* Труды, т. IV. СПб., 1901, с. 11—15. Текст Ореховецкого договора изложен в кн.: *Ордин К.* Покорение Финляндии. Т. 1. СПб., 1889, с. 2—4 (приложение).
[59] Цит. по: *Беляев И.* История Новгорода Великого. М., 1864, с. 125.
[60] См.: *Ордин К.* Указ. соч., с. 33.
[61] См.: ПСРЛ, т. 4, ч. 2. Вып. I. Пгр., 1917, с. 262—263.
[62] См.: *Шаскольский И. П.* Новые материалы о шведском походе 1240 г. на Русь. — «Известия Академии наук» (ИАН). Серия истории и философии, т. VIII, 1951, № 3, с. 267—276.

[63] Цит. по: *Форстен Г.* Политика Швеции в Смутное время. — «Журнал министерства народного просвещения» (ЖМНП), 1889, февраль, с. 330.

[64] Арсеньевские шведские бумаги 1611—1615 гг. — «Сборник Новгородского общества любителей древности», вып. 5, июль 1911 г., с. 5.

[65] Микрофильмы этого архива поступили в ЦГАДА в 1964 г. (*Прим. авт.*).

[66] *Фигаровский В. А.* Шведская политика в Новгородской земле в 1611—1613 гг. — В сб. «Тезисы докладов третьей научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии». Тарту, 1966, с. 113.

[67] *Лыжин Н. П.* Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857, с. 85, примеч. 9.

[68] Цит. по: *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611—1616 гг.). Юрьев, 1913. с. 59.

[69] *Фигаровский В. А.* Цит. соч., с. 113.

[70] *Замятин Г. А.* Цит. соч., с. 59—60.

[71] Там же, с. 61.

[72] Там же, с. 70.

[73] Там же, с. 30.

[74] Цит. по: «Сборник Новгородского общества любителей древности», вып. 5, с. 38, см. также: *Черепнин Л. В., Шумилов В. Н. Александрова М. И.* Документы по истории СССР и русско-шведских отношений в архивах Швеции. — «Исторический архив», 1959, № 6.

[75] Архив министерства иностранных дел. Шведские дела, 1615, № 2. Цит. по: *Замятин Г. А.* Указ. соч., с. 134.

[76] Цит. по: *Петрей Петр.* История о великом княжестве Московском. ЧОИДР, 1866, июль—сентябрь, ч. III, отд. IV, § 3, с. 319.

[77] *Булгарин Ф.* Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 году. Ч. 2. СПб., 1839, с. 134.

[78] См.: Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. Сборник документов. М.—Л., 1960, с. 25.

[79] Там же.

[80] Инструкция шведского короля Густава Адольфа 1613 г. — «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», т. XIV. Нижний Новгород, 1913, с. 12.

[81] Там же, с. 15.

[82] Церковь св. Николая сохранилась в перестроенном виде до наших дней на улице Вене (бывшая Русская улица) в Таллинне. Время возникновения этой церкви с точностью установить невозможно; во всяком случае она уже существовала на этом месте в 20-х гг. XV в. (*Примеч. авт.*).

[83] «...А в Колывани в церкве, как изстари было, держати...» (См. Русско-шведские экономические отношения в XVII веке, с. 25, №. 1).

[84] *Петрей П.* История о великом княжестве Московском, с. 340—341.

[85] Постоянный православный храм при русском дипломатическом представительстве в Швеции был основан в 1700 г., и с этого времени богослужение совершалось для русских людей почти регулярно. (См.: *Киприан, архим.* Дореволюционное русское духовенство за границей.) — «Православная мысль». Париж, 1957, вып. XI, с. 100—101.

[86] См.: *Мулюкин А. С.* Приезд иностранцев в Московское государство. СПб. 1909, с. 220 (Примеч.).

[87] Во время второй мировой войны Таллиннский архив был вывезен из Эстонии и в настоящее время находится в Западной Германии (*Прим. авт.*).

[88] Цит. по: ЧОИДР, 1898, кн. 1, отд. IV, с. 19.

[89] Об истории православного прихода в Ревеле во времена шведского владычества см. подробнее: *Чистович И.* История Православной Церкви в Финляндии и Эстляндии. СПб., 1856, с. 141—150.

[90] Цит. по: ЧОИДР, 1898, кн. 1, отд. IV, с. 19.

[91] См.: *Рыбина Е. А.* Шведский двор в Новгороде в XVIIв. — В сб. «IX всесоюзная научная конференция по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии». Ч. 1. Тарту, 1982, с. 170—171. См. также: *Рыбина Е. А.* Шведский двор в Новгороде в XVII в. — В сб. «Русский город». М., 1983, вып. 6, с. 75—90.

[92] *Чистович И.* Указ. соч., с. 65.

[93] Там же.

[94] Там же, с. 66—67.

[95] Там же, с. 69.

[96] См.: *Грот Я. К.* Известия о Петербургском крае до завоевания его Петром Великим. ЖМНП, 1853. ч. 77, отд. 2, с. 11.

[97] Имеются и другие сведения, согласно которым на этом месте стояла деревня Корабельница.

[98] См.: *Рухманова Э. Д.* Русско-шведская торговля по невскому пути в XVII в. и город Канцы. — В сб. «Тезисы докладов пятой всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии». Ч. 1. М., 1971, с. 76.
[99] См.: *Грот Я. К. Указ. соч., с. 8.*
[100] См.: Карты и планы Невы и Ниэншанца. Собр. А. И. Гиппинг. СПб., 1913, № 6.
[101] См.: *Грот Я. К.* Указ. соч., с. 13.
[102] Там же, с. 14.
[103] Там же, с. 13.
[104] См.: *Чистович И.* Указ. соч., с. 71.
[105] Там же.
[106] Там же, с. 72.
[107] См.: *Колмаков П. К.* Исторические загадки, связанные с жизнью, деятельностью и судьбой печатника века инкунабул Бартоломея Готана. — «Скандинавский сборник», № XII. Таллинн, 1967, с. 200.
[108] *Петри П.* История о великом княжестве Московском. ЧОИДР, 1865, октябрь—декабрь, ч. IV, отд. 4, с. 47.
[109] Там же.
[110] Там же, с. 47—48.
[111] Там же, с. 50.
[112] Употреблявшаяся в XVII в. в Швеции т. н. «датская миля» равнялась 7,53 км. (*Примеч. авт.*).
[113] *Петри П.* История о великом княжестве Московском, с. 50.
[114] Там же, с. 42.
[115] ЧОИДР, 1847, ч. II, отд. 3.
[116] Там же, с. 24.
[117] Там же, с. 25.
[118] Там же.
[119] О пребывании шведского посольства в России в 1674 г. см.: *Шубинский С. Н.* Очерки из жизни и быта прошлого времени. СПб., 1888, с. 98—108.
[120] См.: *Готье Ю.* Известия Пальмквиста о России. — «Археологические известия и заметки», 1899, № 3; см. также: *Грот Я. К.* Новооткрытый памятник русской истории на шведском языке. — ЖМНП, 1881, октябрь.
[121] *Готье Ю.* Указ. соч., с. 73.
[122] Там же.
[123] Там же, с. 85.
[124] См.: *Козинцева Р. И.* Источники по истории русско-скандинавских отношений в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР. — В сб. «Исторические связи Скандинавии и России». Л., 1970, с. 347. Большую ценность для изучения русско-шведских церковных связей имеет фонд Успенского Тихвинского монастыря, поступивший в архив ЛОИИ после закрытия этой обители в 1925 г. В фонде ЛОИИ сохранилось большое количество таможенных книг XVII в. и другие документы. См. также: Русско-шведские экономические отношения в XVII веке, с. 16—17.
[125] См.: Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. М.—Л. с. 383.
[126] Там же.
[127] Там же, с. 412, документ № 223.
[128] Там же.
[129] См. *Грот Я. К.* Известия о Петербургском крае.., с. 16—17.
[130] *Венюков М.* По берегам Норвегии. — «Русская мысль», 1898, ноябрь, с. 28—29.
[131] См.: Сборник «Славяне и скандинавы», М., 1986, с. 196.
[132] Русскому поэту А. К. Толстому (1817—1875) принадлежит историческая баллада «Песня о Гаральде и Ярославне» (1869); в других своих произведениях А. К. Толстой тесно увязывал историю древних скандинавов с историей Киевской Руси и Великого Новгорода (*Примеч. авт.*).
[133] См. подробнее: *Рыдзевская Е. А.* Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе. — В.: Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории и материальной культуры. Вып. XI. М.—Л., 1945, с. 51—64.
[134] См., *Рыдзевская Е. А.* Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюггвасоне. — ТОДРЛ, т. II. М.—Л., 1935, с. 7—8.
[135] *Семенов А. И.* Древняя топография южной части славянского конца Новгорода. Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959, с. 56.
[136] См.: *Шаскольский И. П.* Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX—XVIII вв. — В: Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970, с. 43.
[137] См. *Шаскольский И. П.* О возникновении города Колы. — «Исторические записки», т. 71. М., 1962, с. 278—279.

[138] Сага о Хаконе, сыне Хакона (Хаконе Старом), норвежском короле с 1218 по 1263 г., написана исландцем Стурлой, сыном Торда (1214—1284), около 1265 г. В саге о Хаконе сохранилось несколько известий по истории Руси и северных областей Восточной Европы середины XIII в. (*Примеч. авт.*).

[139] Цит. по: *Шаскольский И. П.* Экономические связи России.., с. 46; см. также с. 329.

[140] См.: *Рыдзевская Е. А.* Сведения по истории Руси XIII в. в саге о короле Хаконе. — В: Исторические связи Скандинавии и России.., с. 330.

[141] Там же, с. 325—326.

[142] Цит. по: *Рыдзевская Е. А.* Указ. соч., с. 326.

[143] Там же, с. 325—326.

[144] Там же, с. 326.

[145] Боргартинг — в Скандинавии народное собрание, сейм (*Примеч. авт.*).

[146] Сам Иоанн Гавриил Спарфенфельд († 1727) был также оберцеремониймейстером шведского двора; в 1685 и 1686 гг. он путешествовал по России (*Примеч. авт.*).

[147] См.: «Вестник Европы», 1819, ч. 103, с. 73; ч. 104, с. 121.

[148] *Бутков П.* Три древние договора руссов с норвежцами и шведами. — «Журнал министерства внутренних дел», 1837, ч. XXIII, с. 337.

[149] Текст договора Новгорода с Норвегией от 1326 г. см. в: *Ордин К.* Покорение Финляндии. Т. 1, СПб., 1889, с. 4—6 (приложение).

[150] Diplomatarum Norvegicum, VI. Christiania, 1863, s. 111. (См.: *Шаскольский И. П.* Договоры Новгорода с Норвегией. «Исторические записки». М., 1945, № 14, с. 40).

[151] Там же, с. 41. О находке текста договора и его анализ см. там же, с. 45—46.

[152] Там же, с. 48.

[153] Цит. по: *Бутков П.* Указ. соч., с. 340.

[154] См.: *Лихачев Д. С.* Заметки о Русском. М., 1981, с. 62.

[155] Там же.

[156] См.: *Седов В. В.* Этнический состав населения Новгородской земли. — В сб. «Финно-угры и славяне». Л., 1979, с. 77—78.

[157] См.: *Шаскольский И. П.* Емь и Новгород в XI—XIII вв. — «Ученые записки ЛГУ», № 80. Серия историч. наук, вып. 10, 1941, с. 102.

[158] См.: сб. «Финно-угры и славяне». Л., 1979, с. 108.

[159] См.: *Седов В. В.* Предметы христианского культа древнерусского происхождения в Финляндии и Карелии. — В сб. «IX всесоюзная научная конференция по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии». Тарту, 1982, с. 195—196.

[160] См.: *Кирпичников А. Н.* Историко-археологические исследования древней Корелы. (Корельский город в XIV в.). — В сб. «Финно-угры и славяне». Л., 1979, с. 62.

[161] См.: *Мулюкин А. С.* Приезд иностранцев в Московское государство. СПб., 1909, с. 11.

[162] См.: *Крохин В.* История карел. — «Русская старина», 1907, октябрь, с. 228.

[163] См.: *Щербачев Ю. Н.* Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326—1690 гг. ЧОИДР, 1893, кн. 1, с. 5. докум. № 8.

[164] Цит. по: Акты археографической экспедиции. Т. III, СПб., 1836, № 46, с. 82.

[165] См.: *Жербин А. С.* Проблема переселения карел в Россию в работах современных финских историков. — В сб. «IX всесоюзная научная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии». Ч. 1. Тарту, 1982, с. 165—167.

[166] См.: *Беспятых Ю. Н.* «Крестьянское перемирие» и пограничная торговля между северными районами России и шведской Финляндии в начале XVIII века. — «Скандинавский сборник», № XXV. Таллинн, 1980, с. 53.

[167] Там же, с. 57.

[168] Цит. по: *Кузнецов Н. Д.* Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии. Ярославль, 1898, с. 60.